



От ненависти До любви



**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**

ЕСЛИ ЭТО СУДЬБА

От ненависти до любви

Дарья Кожевникова

Если это судьба

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Если это судьба / Д. С. Кожевникова — «Эксмо», 2017 — (От ненависти до любви)

ISBN 978-5-699-99972-9

Вика считала свою семейную жизнь идеальной – Клим так заботится о ней, а скоро их станет трое! Но все изменилось в одночасье, когда на озерной лодочной станции произошел взрыв, унесший жизнь ее мужа. Ребенка Вика тоже потеряла и надолго попала в больницу. А после выписки она услышала от следователя, что ее муж был совсем не тем, за кого себя выдавал! Вика узнала настоящее имя Клим и познакомилась с его подлинной биографией. Оказывается, он был компьютерным гением, мозговым центром крупной криминальной группировки, и успел скрыться незадолго до того, как ее разгромили. Где-то в окрестностях озера муж сделал тайник, за содержимым которого теперь охотятся его бывшие подельники. Почему-то они уверены, что Клим посвятил жену во все свои секреты, и теперь ей угрожает смертельная опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99972-9

© Кожевникова Д. С., 2017
© Эксмо, 2017

Дарья Кожевникова

Если это судьба

© Кожевникова Д.С., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

На лодочную станцию они приехали, едва забрезжил рассвет. Несмотря на раннюю весну и на то, что лед только недавно сошел, вдоль берега клубился такой густой туман, что озера под ним почти не было видно. Но Вика быстро поняла причину: судя по ароматному смолистому запаху, где-то неподалеку жгли костер, дым от которого стелился над водой. Поэтому сквозь призрачную белую завесу можно было лишь угадать колышущуюся темную массу воды да слышать ее тихий плеск. Кроме него, не было слышно ни звука. И не видно вокруг ни души. Даже сторож лодочной станции не стал выходить из своей каморки. Лишь выглянул, заслышав подъезжающую машину. Убедился, что приехали свои, нажал на пульт, поднимая шлагбаум, и спрятался обратно, подальше от холода и сырости. Клим он хорошо знал – азартный рыбак, Клим приезжал сюда далеко не первый год и, насколько известно Вике, обзавелся собственным боксом для моторной лодки задолго до того, как они познакомились.

Клим подогнал машину к самому берегу – надо было выгрузить снасти и запасы на причал, чтобы потом забрать их, подъехав уже на лодке. Это было проще, чем перетаскивать все из машины в бокс. И главное, быстрее. Вика в своем положении была Климу не помощница. Точнее, кое-чем по мелочи могла бы помочь, но муж даже слышать об этом не хотел. Как только узнал о ее беременности, стал оберегать, словно хрустальную. Возможно, что и на рыбалку перестал бы брать с собой вплоть до того, что и сам перестал бы ездить, но Вике это доставляло удовольствие, и Клим не стал ей в этом отказывать. Лишь следил за тем, чтобы одевалась как следует.

Кутаясь в штормовку, под которой был ангорский свитер с высоким воротником, Вика вышла из машины на причал. Встала возле растущей горки сложенных там вещей.

– Ты бы не мерзла, посидела пока в машине, – заметил Клим, опуская на причал очередную коробку и глядя на жену снизу вверх.

Вика только улыбнулась ему в ответ. Он тоже ответил ей улыбкой, потом, разогнувшись, подошел и поцеловал. Вика обвила руками его шею, не торопясь отпустить. Вот уже два года они официально женаты, еще почти год до этого жили в гражданском браке, а порой ее охватывала такая нежность к нему, как будто все у них только начинается, не успев утратить своей силы и остроты. Вот и сейчас стоило только взглянуть ему в глаза, у нее даже дыхание перехватило.

– Люблю тебя... – восторженно прошептала Вика, снова потянувшись к его губам, пожалуй, даже слишком красивым и чувственным для мужчины. Они ответили ей без единого слова одними только волшебными прикосновениями. Оба замерли, на время совершенно забыв о том, зачем они сюда приехали. Вернуться к реальности их заставил рокот автомобильного мотора. Чужая машина была еще не видна из-за густого тумана, но двигалась явно в их направлении. Потом обозначилась светом фар, пробившимся сквозь слой тумана.

– Конкуренты пожаловали, – улыбнулся Клим, отстраняясь от Вики. – Пойду принесу остатки вещей да отгоню машину от причала, чтобы им место освободить.

– Иди, – кивнула Вика.

Он сделал шаг назад, все еще глядя на нее и держа ее за руки. Потом тихо рассмеялся:

– Мы с тобой прямо как дети, Викуль, – и, отпустив руки, быстрым шагом пошел к машине.

В подъехавшей иномарке в это время распахнулась водительская дверца, откуда с шутивым возмущением прозвучал знакомый звучный голос:

– Убирай свою тележку с дороги, браконьер несчастный!

Рублевы! Высоко вскинув руку, Вика приветственно помахала им с причала. Матвей Рублев посигналил в ответ.

– От браконьеров слышу! – так же шутиливо огрызнулся Клим. – Кто первый приехал, того и рыба! А то ишь тут... Копейкины!

– А ты от жадности-то не лопнешь? – возмутился Матвей, вылезая из огромного «Лексуса», который рядом со своим высоким и массивным хозяином смотрелся вполне рядовой машинкой.

– Не лопну, я эластичный.

Продолжая шутиливо переругиваться, мужчины уже вдвоем выгрузили вещи поочередно из обеих машин, а Вика поздоровалась с Таней, женой Матвея, и перебросилась с ней несколькими словами о своем, о женском.

– Как самочувствие? – спросила Таня. – Ты бы побереглась, успеешь еще нарыбачиться.

– Когда? – Вика улыбнулась. – Нет, потом точно будет не до этого, бабушками-то не богаты ни я, ни Клим. У меня из родни одна тетя, у него вообще никого. Так что только и осталось нам поездить до осени.

– До какой еще осени, чудо? Что, и рожать будешь в лодке?

– А это как получится! – беззаботно рассмеялась Вика, чувствуя, как малыш шевельнулся внутри. Робко пока, едва ощутимо.

– Ох, шальная, – Таня с улыбкой покачала головой. – Вся надежда на то, что Клим твой серьезнее.

Клим! Конечно, серьезнее! При упоминании о нем Вика просияла. Таня засмеялась, глядя на нее:

– Вы, наверное, дома даже лампочки в люстру не вкручиваете? Ты так светишься, что им до тебя... Кого ждете-то, мальчика или девочку?

– Мальчика. Тоже будет рыбак.

– Ну, это еще как сказать. Нашего вон из-за компьютера за уши не оттащить. А если оттащишь, то он будет весь день нудить. Так что ездим с Матвеем вдвоем.

Рублев тем временем помахал жене:

– Эй, студентка! Поехали машину ставить на парковку!

– Пойду, – кивнула Таня Вике. – Я права все-таки решила получить, на этой неделе сдаю, вот Матвей меня и гоняет, а то я с задней передачей не справляюсь.

– Ну, иди! А мы как раз в лодку загрузимся и причал вам уступим.

Женщины разошлись. Таня пошла к машине, а Вика вернулась на причал. Судя по донесшемуся сюда звуку, Клим уже открывал «сухопутную» дверь их бокса. Металлические лодочные боксы стояли вплотную друг к другу, как обычные гаражи в каком-нибудь ГСК, только у самого берега. И имели две двери: одна, с наружным замком, вела с дорожки в бокс, а другая, отпираемая изнутри, открывалась прямо на воду. Сейчас Клим повернет рычаг, механизм сработает, и лодка плавно соскользнет со стапеля в озеро. Точнее, вначале в маленький док, где будет дожидаться хозяина. Вика встала посреди причала, высматривая, когда появится лодка. Туман начинал понемногу редеть, так что шансы ее увидеть были. Только вот Клим что-то задерживается. Порядок, наверное, наводит...

Внезапно яркая вспышка ослепила Вику. В то же мгновение уши заложило от грохота, и чудовищная сила швырнула ее на ставший мокрым бетон.

Сознание то включалось, то выключалось, выхватывая из реальности отдельные фрагменты. Выныривая из небытия, Вика слышала топот ног и крики. Потом ее трясло, и руки болтались, будто чужие. Вика не могла их собрать, она попробовала, потом снова отключилась. Ее как будто куда-то бегом несли, и женский голос настойчиво звучал над ухом: «Быстрее, Матвей! Ну, скорее же!» Потом был рев мотора, к которому вскоре присоединился отвратительный, всверливающийся в мозг вой сирен. Затем колеса грохотали уже без мотора, как будто кто-то катил тележку по каменному полу. Вика не понимала, откуда мог взяться камень, ведь они же должны быть на озере... Попыталась открыть глаза и увидела стремительно несущийся над ней потолок с огнями ламп через равные промежутки. Потолок?! Вика успела удивиться, снова теряя сознание. Потом свет взрезал ей глаза, и чьи-то голоса зазвучали над ней совсем близко, холодные, деловые. Как будто диктор вещал, но не с экрана, а из хорошо освещенной пещеры, создающей эхо. Вика отворачивалась от него, ей не хотелось слышать этот голос, потому что она силилась понять слова и не могла. А вскоре рядом с ней раздались резкие и противные металлические звуки, и у нее возникло ощущение, как будто кто-то вырывает из нее внутренности. Она вскрикнула и попыталась вскочить, но вместо этого снова потеряла сознание.

Очнулась Вика в незнакомой комнате, освещенной лишь висющим на стене ночником. Где-то отчаянно кричала женщина, но не здесь, а как будто откуда-то сверху. Потом кто-то сказал несколько слов, и она замолчала, но не сразу. Вика еще какое-то время прислушивалась, прежде чем поняла: все, больше криков не будет. Она облегченно вздохнула. Огляделась, пытаясь понять, где она. По всему выходило, что либо в гостиничном номере, либо в больнице. Вика наморщила лоб, пытаясь понять, что же случилось на озере, и собрать воедино отрывочные кадры, которые успели ей запомниться. От напряжения в висках сразу застучало, по голове начала расплзаться боль. А вот в животе, наоборот, было как-то пусто. Непривычно пусто и тихо. С испуганным всхлипом Вика схватилась за живот.

– Викуля?! – Над тумбочкой показалась растрепанная голова. – Очнулась, солнышко!

Лена, мамина младшая сестра, вскочила со стоящего за тумбочкой топчана и кинулась к ней:

– Как ты, моя дорогая?!

– Лена, что с малышом?!

– Викуля. – Тетушка взяла ее за руку. – Ты еще молодая, у тебя все впереди. У тебя еще будут дети...

Дальше Вика не слушала. Выгнувшись в кровати и запрокинув голову, она захлебнулась воем раненой волчицы.

– Викочка, тебе нельзя волноваться! – кудахтала рядом тетушка, но Вика корчилась, как в столбняке. Потом на крики прибежали люди в белых халатах, сделали в вену какой-то укол...

Второй раз Вика очнулась уже днем. В той же одноместной палате, где стоял топчан для Лены. Тетушка сидела рядом с кроватью и держала Вику за руку, глядя на нее заплаканными глазами.

– Что с Климом? – встретив ее взгляд, спросила Вика. Голос прозвучал едва слышно: в груди как будто образовался вакуум, не давая нормально выдыхать. Но Лена угадала вопрос по губам. Да и о чем еще Вика могла спросить?

– Клим... Он в травматологии. Это этажом выше, – принялась объяснять тетушка. – Ты же лежишь в гинекологии. Тебя сильно контузило, но положили именно сюда, а не в травму, потому что ты много крови потеряла... по женской части.

– Как Клим?

– Не очень. Но держится. Как только кто-то из вас немного окрепнет, так и навестит другого. А пока отдыхай, Викочка, отдыхай.

– А что случилось на озере?

– В одном из боксов взрыв произошел. Может, баллон с газом рванул. Этим теперь следствие занимается. Тебя взрывной волной ударило очень сильно. Хорошо, что ваши знакомые Рублевы оказались рядом. Ты, Викуль, им жизнью обязана. Они не растерялись и сразу кинулись с тобой в больницу. Только благодаря этому и спасли. Ты ведь кровью истекала, счет шел на минуты. Они так летели, что за ними даже гаишники погнались. Вначале чуть до перестрелки не дошло, но потом патрульные сами тебя сопровождали двумя машинами, расчищая дорогу.

Вика прикрыла глаза. Вот он откуда был, этот пронзительный вой сирен. Ее везли...

– А Клим? – тут же встрепенулась она. – Его тоже Рублевы забрали?

– Его на «Скорой» увезли, – Лена всхлипнула. – В общем, вот так. Ты отдыхай, Викуль, набирайся сил. Тут следователь тобой интересовался, хотел тебя опросить.

– Да мне и сказать-то ему нечего...

Где-то над головой снова раздался крик женщины, отчаянный и протяжный.

– Что это?! Откуда?! Лен, ты слышишь?!

– Это с другого этажа, там больная тяжелая, – успокоила тетушка. – Я уже узнавала. А крик слышно по вентиляции. Сейчас ей укол сделают, и она успокоится.

– Ясно. – Вика откинулась на подушки. Помолчала, прислушиваясь к своим ощущениям. И спросила: – Лен, а с Климом точно все в порядке? Мне кажется, что нет. Я чувствую это!

– Как же не чувствовать, Викуль? Он ведь тоже пострадал. Но ты не спрашивай ни о чем, мне врач вообще с тобой много разговаривать запретил. Отдыхай, Викуль. Отдыхай.

Вика послушно закрыла глаза. Но сон не шел. Она слышала все, что происходит вокруг: как кричит, успокаиваясь, женщина на верхнем этаже, как кто-то ходит по коридору мимо дверей палаты. Медленно и шаркая – наверное, больные, и быстро, деловито – наверное, медперсонал. И как тетя Лена тихонько возится в палате, время от времени хлюпая носом... Впрочем, какая она «тетя»? Среднего роста, стройная, с короткой модельной стрижкой, никак она не тянет в Викином представлении на это звание. Обычно Вика звала ее просто по имени или, очень редко, тетушкой. Ведь Лена была младше мамы на десять лет, а значит, старше Вики всего на пятнадцать. Мама родила Вику в двадцать пять. То есть, удивленно подумала Вика, была тогда примерно в таком же возрасте, как и она сейчас... ну, на год старше... Может, и у нее еще получится родить через год? Появится долгожданный малыш, за которого она пойдет в огонь и в воду? Так же, как пошла за Вику мама...

Мама... Ей тогда было всего сорок пять. В тот страшный вечер, когда они с Викой возвращались домой через старый парк и на них напала банда из пятерых подонков. Трое из них, хохоча, схватили Вику и потащили куда-то. Она вырывалась отчаянно, как только могла, хорошо понимая, зачем они ее тащат, но силы были неравны. Ее повалили на траву, на ней рванули блузку, когда вдруг, перекрывая их мерзкую возню, раздался мамин голос, звонкий и чистый:

– Стойте!!!

Она сказала это так повелительно, что заставила подонков оглянуться. И замереть: мама стояла с ножом. С тонким стилетом, который она ухитрилась выхватить у кого-то из тех двоих, кто кинулся к ней. Те двое тоже замерли в одном-двух шагах от мамы. И с интересом ожидали, что же будет дальше, прекрасно понимая, что десять раз успеют обезоружить эту смешную тетку с ножом.

Но тетка не собиралась с ними воевать, прекрасно понимая, что силы не равны. Вместо этого она сказала:

– Оставьте девочку. Мне нечего предложить вам взамен, у меня нет ни денег, ни золота. Есть лишь сердце матери. И я вам его отдаю.

Никто ничего не успел сообразить, когда хладнокровно приставила левой рукой тонкое лезвие к своей груди, а правой с силой ударила по рукоятке стилета.

– Мама!!! – Вика отчаянно рванулась к ней. Никто не пытался ее удержать, вмиг протрезвевшие подонки сами кинулись следом. И пока Вика захлебывалась слезами, упав на колени перед телом, кто-то из них тряс маму, надеясь, что та еще жива, а кто-то настойчиво пытался докричаться до Вики:

– Она сама! Ты же это видела?! Она сама!!!

Пятеро негодяев сами вызвали полицию. Вика вынуждена была подтвердить: да, мама сама это сделала. Объясняла и причину, но повинных в маминой смерти мерзавцев все равно не осудили на всю оставшуюся жизнь, как они того заслуживали: мол, состава преступления не было! На Вике они всего лишь разорвали блузку, а то, что именно они собирались с ней сделать, невозможно было доказать. Вика места себе не находила от такой несправедливости, но подделывать ничего не могла. Разве что накинуться и в кровь разбить лицо Андрею Смирнову, одному из пятерых, который уже после суда посмел к ней приблизиться и заговорить. Он не сопротивлялся, лишь заслонялся руками как мог. А потом подкараулил Вику, когда она возвращалась с работы. И еще подошел за новыми синяками, не успев свести старые. Постепенно Вика перестала бурно реагировать на его появление и даже с ним более-менее нормально общалась до тех пор, пока не встретила Клима. Потом уже Клим стал встречать Вику с работы и занял собой всю ее жизнь, в ней даже для хороших знакомых места почти не осталось. Смирнов с этим молча смирился и исчез. Правда, иногда писал Вике на ее страницу ВКонтакте. Поздравлял с праздниками, интересовался, как идут дела. Она отвечала, отдавая дань вежливости. И сразу забывала о нем.

Но сегодня он ей о себе напомнил. В очередной раз открыв глаза, Вика обратила внимание на стоящие на подоконнике букеты.

– Что это? – спросила она у Лены. – Как на похоронах...

– Дурочка! – прикрикнула тетушка. Потом пояснила: – К тебе не пускают пока никого, только мне разрешили ухаживать. А люди приходят и несут передачи. И цветы. Вот. – Лена кивнула на крупные бело-кремовые розы. – Это от Рублевых, они за тебя очень переживают. Этот пестрый букетик – от твоих девчонок с работы. А вон те розы – от Смирнова. Любит он тебя, Викуль, с места мне не сойти.

– Плевать. Не медаль же ему за это повесить. Рядом с той, которую заслужил за мамино убийство, или на другую сторону груди? Как он вообще узнал о том, что со мной случилось?

– Так ведь про взрыв, Викуль, знаешь, сколько разговоров было! Даже в областных криминальных новостях рассказывали. Вот он и узнал, примчался. И кровь свою сдал без вопросов. Даже просил, чтобы взяли двойную порцию. У вас с ним группа, оказывается, одинаковая, а для тебя кровь по всему городу собирали.

– Отцедить бы ее теперь, – нахмурилась Вика.

– Ты непримирима, Викуль.

– А ты? Ты, Лен, готова простить?

– Господь прощал кающихся грешников.

– Мне далеко до такого совершенства.

– Будем надеяться, что до выздоровления ближе, – вздохнула Лена, принимаясь кормить ее супом.

Через пару дней Вика настолько окрепла, что к ней пустили следователя. Им оказался мужчина лет сорока, с серьезным простоватым лицом.

– Юрий Степанович, мне совершенно нечего вам сказать, – с сожалением вздохнула Вика после того, как он ей представился.

– Я попрошу вас только ответить на некоторые мои вопросы, и все, – успокоил ее он. – Тем более что нам дали всего несколько минут. Скажите, Виктория Александровна, до приезда ваших знакомых вы никого на причале не видели?

- Кроме сторожа, не было ни души... А что, Клим вам об этом не рассказал?!
- Мне важны все точки зрения, поэтому многим людям я задаю одни и те же вопросы. Так вы никого не видели?
- Нет. Костер только горел неподалеку.
- Костер... А теперь подумайте, пожалуйста. Я задам вам не совсем обычный вопрос. У вашего мужа были... есть какие-нибудь недруги? Может, он с кем-то что-то не поделил? Может, поступали необычные звонки?
- Но ведь взрыв произошел не в нашем боксе?!
- Виктория Александровна, я выясняю *причину* того, что случилось. Так вы не знаете?
- Клим – довольно замкнутый человек и не стал бы мне рассказывать, если бы у него возникли проблемы. Ну, а мимолетом я ничего такого не слышала. Иногда он говорил с кем-то с гневными нотками в голосе, но делал это негромко и выходил из комнаты. Возможно, просто спорил с кем-то по работе?
- Кстати, о работе. Во сколько ваш муж вернулся домой накануне того дня, когда вы с ним поехали на рыбалку?
- Ближе к полуночи. Я еще расстраивалась, что он не выспится, он же ездил в командировку. Куда-то в район, его иногда посылают.
- И как часто?
- Ну, раз, наверное, в месяц.
- Хорошо... Скажите, а друзья у него были? Кто-нибудь из них приходил к вам домой? Что вы о них можете сказать?
- Собственно, ничего. Несколько раз заходили двое мужчин, которых Клим мне представил, как своих армейских друзей. Артем и Юра. Спокойные, вежливые. Я с ними не сидела за столом, уходила в комнату. Клим интересно с ними пообщаться, а мне там особо нечего делать, я их только стесняла.
- И это все?
- Ну, иногда еще Клим ездит с какими-то приятелями на охоту. Ружья у него нет, но лес он любит. И всякие там шашлыки в сугубо мужской компании...
- Хорошо. А теперь скажите, когда ваш муж ездил на охоту в последний раз?
- В предыдущие выходные. – Вика вытерла покрывшийся испариной лоб.
- Вы устали? – понял следователь. – Прошу, еще всего один вопрос: у вашего мужа... имеется какой-нибудь дополнительный заработок?
- Нет. – Вика удивленно посмотрела на следователя. – Нам и так хватает. Не шикуем, конечно, но и не бедствуем.
- Хорошо. Спасибо, Виктория Александровна. Мы еще побеседуем с вами, а покаправляйтесь.
- Я постараюсь. Спасибо.
- Странные он мне какие-то вопросы задавал, – сказала после его ухода она Лене. – Я думала, его лодочная станция будет интересовать, а он как будто досье собирал на Клим.
- Ну, работа у него такая, Викуль. – И Лена снова взялась ее кормить.

Ленины усилия не пропадали даром: через три дня Вика встала. Постояла возле кровати на дрожащих ногах, улыбнулась Лене:

- Через пару дней смогу пойти к Климу.
- Вичка, – Лена снова усадила ее. – Я тебе не говорила, не хотела расстраивать. В общем, Клима вчера увезли в областную больницу. Нога у него сломана очень нехорошо, спасти бы ее.

Вика нахмурилась, долго лежала, осмысливая сказанное. Клим плохо. А возле него никто так не хлопчет, как Лена возле нее. Нога... Что ж, она, Вика, и без ноги будет любить его всеми фибрами души. И будет работать за двоих, если потребуется.

– Можно, я ему позвоню? – в который раз попросила она Лену.

– Нет, Викуля, и не проси. И тебе врач запретил звонки, и у Клима контузия.

Последний довод подействовал сильнее всего, и Вика снова смирилась. Оставалось только набраться сил, чтобы поехать к Климу самой. Он-то с ногой долго будет прикован к кровати... Специально ради этой цели Вика начала потихоньку ходить. Тайком от слишком строгой Лены, которая теперь стала отлучаться на работу. Учитывая серьезность Викиной болезни, Лену там старались не слишком загружать, но были ситуации, когда без нее, замгендиректора фирмы, не могли обойтись даже при наличии компьютера с телефоном, так что на пару часов в день тетка все же вынуждена была уезжать. А Вика в это время расхаживалась, двигалась по палате. Потом отважилась спуститься на лифте в фойе. Там работал газетный киоск, Вике хотелось купить что-то из местной прессы. Лена не давала ей читать, утверждая, что после перенесенной контузии это вредно для глаз. А Вика хотела посмотреть, не упоминали ли в местных изданиях о взрыве. И что именно.

Спустившись к киоску, она почувствовала себя чем-то вроде знаменитости: парочка девушек тоже в больничных халатах, отходя от окошка с пачкой цветных журналов, окинули ее любопытными взглядами. Вика расслышала произнесенное шепотом:

– Она?..

Новостной прессы, как назло, в киоске не оказалось: старую уже разобрали, а новую должны были подвезти после обеда. Не очень расстроившись – что ж, завтра, как только Лена уйдет, она еще раз сходит! – Вика пошла через фойе обратно к лифту, постепенно нагоняя двух девушек с журналами. Приблизившись, она поняла, что они все еще говорят о ней.

– ...так и летели на машине к больнице с патрульными впереди, с сиренами через весь город. И видишь, она выжила, даже уже ходить начала.

– Да, ребенка вот только потеряла. И от мужа, говорят, лишь несколько фрагментов нашли, чтобы хоть что-то в гроб положить.

– А разве могло быть иначе? Его же этим взрывом в клочья разорвало.

Вика резко остановилась, ее будто пронзило током. Клим?! Неужели они это про Клина?!!!! Нет!!!

– А-а-а!!!! – обхватив голову руками, Вика упала посреди фойе на колени.

Люди устремились к ней. Первым подбежал вышедший из гардероба мужчина. На полу перед Викой веером разлетелись брошенные им розы, а сам он подхватил ее на руки и побежал с ней по лестнице в отделение.

– Вика, Викуля, – прорывался сквозь истерику в ее сознание его голос. Знакомый голос. Он не смел, не должен быть с ней рядом. Но теперь ей было все равно. Мир перестал существовать, мир обрушился в пропасть. И Вика падала, падала в эту бездну...

Возвращение к жизни оказалось медленным и тяжелым. Но разве могло быть иначе, если ей не хотелось жить, не хотелось возвращаться? За Вику все переживали, о ней заботились, ее не оставляли одну. А ей было все равно. Своих спасителей Рублевых она встретила и вовсе прохладно. Вика считала, что это очень жестоко с их стороны: спасти ее, зная, что Клим погиб, и совершенно не думая о том, как она будет жить без него на этой земле. Лишь после того как Рублевы выкрали ее ненадолго из больницы, чтобы свозить на кладбище к Климу, Вика немного смягчилась, но и тогда не оттаяла до конца.

Если люди делали все для того, чтобы угодить Вике и уберечь ее от волнений, то жизнь, напротив, подкидывала неожиданности. Выписавшись домой и стоя на лестничной площадке, пока Лена отпирала входную дверь, Вика обратила внимание на то, что дверные замки в ее квартире теперь другие. Похожие, но не те. Это были мелочи в сравнении с тем, что Вике при-

шлось пережить, и сил на то, чтобы спрашивать об этом, не было. Но когда она вошла в свою квартиру, нежилую и словно звенящую от пустоты, не могла не заметить, что и там произошли кое-какие изменения: исчезла напольная ваза в большой комнате, аппаратура стояла иначе. А диван так и вовсе оказался новым, только похожим на прежний. Вика специально не присматривалась, просто настолько хорошо знала свой дом, что эти изменения сразу бросились ей в глаза.

– Лена... – опустившись в кресло, она вопросительно посмотрела на тетушку.

– Заметила, – поняла та. – Впрочем, этого и следовало ожидать. Ты только не волнуйся, Викуль. В общем, пока мы с тобой были в больнице, квартиру взломали. И перерыли здесь все вверх дном. Диван и вовсе изрезали. Я постаралась привести все в порядок, чтобы было как прежде. А дверь и замки поменяла для надежности, так что опасности не должно быть никакой... но, может, все-таки поживешь пока у меня, а, Викуль?

– Нет. – Вопрос был задан в который раз, и в который раз Вика упрямо помотала головой в ответ. – Я хочу быть здесь, где мы жили с Климом... Больше нигде. И не возражай, Лен, не надо. Сама говоришь, что дверь поменяла. Да и не сунутся больше воры туда, где ничего не нашли. Сбережений у нас с Климом не было, мы жили в свое удовольствие. Я думаю, тот, кто взломал дверь, вообще сделал это наугад, просто потому, что хозяева отсутствовали. А теперь я дома... – Вика всхлипнула. Да, она дома, но никогда в этом доме уже не будет счастлива и никогда с ней рядом не будет Клим. Он никогда больше не взлетит по ступенькам, не откроет дверь, не улыбнется с порога, подхватывая кинувшуюся к нему Вику. И не будет что-то мастерить на своем столе, выторговывая у нее минуты перед остывающим ужином одним только взглядом серо-зеленых глаз, таким подкупающим, что Вика не в силах была на мужа ворчать. И много еще чего больше не будет. Никогда!

– Викуля! – Лена втиснулась в кресло возле Вики и обняла ее, разрывающуюся. – Ну, успокойся. Слезами горю не поможешь. Надо жить дальше.

– Надо? – спросила та, захлебываясь. – Кому?! Не хочу!!! Не нужна мне такая жизнь!

– Опять за свое, – вздохнула Лена. – Я все понимаю, но нельзя же так! Ты по матери меньше убивалась. А твой Клим... Должна сказать, что не так уж ты хорошо его знала, как тебе кажется.

– Я его люблю! – выдохнула Вика, рыдая. – Без мамы... без него... даже ребенка не осталось! И не будет уже никогда! Все!!! Все пошло прахом, Лен! Как же ты этого не поймешь?!

– Я понимаю, Викуль. Все понимаю, хоть тебе сейчас кажется, что это не так. Но я все-таки знаю жизнь немного лучше, чем ты. Вот и про Клим твою я тебе в свое время говорила, что он не так прост, как ты думаешь. Скрытен, молчалив. Ты мне горячо возражала, спорила. А ведь я оказалась права!

– О чем ты... про Клим? – спросила Вика чуть позже, выплакавшись и постепенно затихая. – Что ты этим хочешь сказать?

– Узнаешь все в свое время, – пообещала Лена.

Вика не стала настаивать, она была слишком обессилена. И слишком поглощена своим горем, чтобы сосредотачиваться на чем-то еще ни днем, когда Лена находилась около нее, ни ночью, когда та спала в соседней комнате. Оставшись одна в своей кровати, Вика не могла думать ни о чем другом, кроме как о том, что никогда рядом не будет родного плеча, на которое можно примостить голову, и никогда рука Клим не обовьет ее, прижимая к себе...

И тем неожиданнее оказался для Вики разговор, состоявшийся со следователем через три дня после ее выписки.

– Здравствуйте, Виктория Александровна! Как самочувствие? – приветствовал он ее в своем кабинете.

– Спасибо, жива, – кивнула она, присаживаясь на стул. На соседний села Лена, настоявшая на том, чтобы присутствовать при беседе. Услышав Викин ответ, она укоризненно покачала головой.

– И это хорошо, – кивнул Юрий Степанович. – В прошлый раз мы не могли с вами нормально побеседовать: вы были в плохом состоянии, да и гибель мужа от вас скрывали, пока было возможно. Теперь же у меня к вам есть не только ряд вопросов, но и кое-какие новости. Весьма для вас неожиданные, должен сказать.

– Мне все равно, – пожала плечами Вика. – Спрашивайте, говорите.

Ей казалось, что уже никто и ничем не сможет ее удивить. Но следователю это удалось.

– Как хорошо вы знали своего мужа? – спросил он.

– То есть?! – Вика опешила. – Что вы имеете в виду?!

– Именно то, что спросил. Муж рассказывал вам о своем прошлом? Откуда он приехал в наш город? Есть ли у него родня?

– Приехал он из деревни, из Владимирской области. Родни нет. Воспитывала его бабушка, она давно умерла. А о прошлом Клим не любил говорить. Оно у него было не слишком счастливое, а это никому не хочется вспоминать. Когда дело касалось воспоминаний, он лишь хмурился и переводил разговор на другую тему.

– Ну, хоть какие-то эпизоды? Разве вам самой не было интересно, чем и как он раньше жил?

– Клим был человеком замкнутым и немногословным. А я не люблю лезть людям в душу, особенно если вижу, что им этого не хочется. Нам было очень хорошо в настоящем, нас ждало... должно было ждать... счастливое будущее. Так зачем же ворошить мрачное прошлое? Нет, мы его не касались. Я и о гибели моей мамы рассказала ему лишь в общих чертах, и от него ничего не требовала. Мне достаточно было того, что он со мной такой, какой есть. Зачем требовать больше от любимого человека?

– Ну, хотя бы затем, чтобы узнать его настоящее имя.

Услышав это, Вика изумленно уставилась на следователя. Он в ответ так же молча выложил ей на стол фотографию Клим, а следом за ней – вторую, незнакомого ей мужчины.

– Клим... – Голос у Вики невольно дрогнул, когда она взяла первый снимок в руки. – Откуда у вас это фото? Здесь он моложе, чем был, когда мы с ним встретились.

– Нет, не угадали. Клим Воронин – вот он, на второй фотографии. А человек, чей снимок вы держите в руках, – Алексей Сагитов.

– Не говорите ерунды! – вспыхнула Вика. – Я Клим узнаю из тысячи лиц!

– Вы узнаете человека, который назывался этим именем, – поправил ее следователь. – Но на самом деле тот, кого вы знали как Клим и кто был вашим мужем, являлся Алексеем Сагитовым. А Клим Воронин – человек на второй фотографии.

– Абсурд! – Вика взяла второй снимок, небольшой, как для паспорта, всмотрелась в лицо совершенно незнакомого человека. Он походил на Клим кое-какими чертами, но не более того. Ни той силы и уверенности во взгляде, ни аристократизма, ни особого шарма, что были в лице Клим. А главное, у незнакомца не было таких красивых и чувственных губ. – Не может быть! Откуда вы все это взяли?

– Моя профессия заключается не в том, чтобы выдумывать сказки. А в том, чтобы делать выводы, опираясь на голые факты. И если вы выслушаете меня, не перебивая, то я их вам изложу.

– Излагайте! – потребовала Вика. – Я внимательно слушаю.

– После взрыва мы тщательно обследовали развалины лодочного дока. Установили, что к спусковому механизму лодки было прикреплено самодельное взрывное устройство, которое и сработало, когда ваш муж переключил рычаг. Естественно, мы стали искать отпечатки пальцев того, кто мог это сделать. На двери – она почти уцелела – отпечатков было множество.

Наши эксперты начали работать с ними, пытаясь выявить чужие среди отпечатков хозяина бокса. Вот тут нас и подстерегала неожиданность: выяснилось, что «пальчики» самого хозяина имеются в нашей картотеке! И принадлежат они Алексею Сагитову, в прошлом – активному члену известной криминальной группировки. На счету у этого бандформирования и грабежи, и убийства, и похищения людей, и мошенничества в крупных масштабах. Достаточно сказать, что, когда члены банды наконец-то были схвачены, следствие по делу длилось четыре года! Но заслуженное наказание получили не все, нескольким бандитам удалось уйти от правосудия. Среди них оказался и Алексей Сагитов. Он каким-то чудом избежал захвата, его объявили в розыск, а он будто в воду канул! И вот четыре года спустя после того, как его подельники получили сроки...

– Не верю! – обретя дар речи, заявила Вика. – Это неправда!

– Вы можете не верить *мне*, Вика. Но остаются факты, а они, как известно, вещь упрямая. Так мне продолжать, или вы не намерены меня дальше слушать?

– Продолжайте. – Вика кивнула, потом сцепила руки. – Но это какая-то ошибка!

– Ошибки нет. Пока вы были в больнице, я со своими коллегами успел провести следствие по этому делу. Выяснилось, что, каким-то чудом избежав поимки, ваш муж скрылся в небольшой деревеньке во Владимирской области. Был ли он знаком с Климом Ворониным раньше или познакомился с ним именно тогда, когда бросился наугад в первое глухое место, этого уже не установить. Но наверняка, оказавшись там, Алексей Сагитов не раздумывал, что ему делать дальше. Да, Воронин был спивающимся и недалеким человеком, а Сагитов в свое время получил высшее образование и вообще был неглуп – во всяком случае, свою преступную деятельность он осуществлял не столько руками, сколько головой. Но внешнее сходство между ними все-таки было, и немалое. Вы и сами могли это заметить. Если стереть отпечаток, что наложил на их лица образ жизни...

– Расскажите, что было дальше, – нетерпеливо попросила Вика.

– А дальше Клим Воронин просто уехал из своей деревни. Обосновался в районном центре, а вскоре подал заявление о замене пришедшего в негодность паспорта: он уронил его в машинное масло. Выплатил штраф за небрежное обращение с документом, и паспорт ему заменили. К сожалению, эта процедура не сопровождается идентификацией личности по отпечаткам пальцев. Работники паспортной службы проявили халатность, не обратив внимания на пусть незначительные, но все же имеющиеся различия во внешности предыдущего и нового владельца паспорта. Так Алексей Сагитов на совершенно законных основаниях стал Климом Ворониным. О судьбе же подлинного Клина Воронина можно только догадываться, поскольку отыскать его следы не удалось. Я полагаю, что он не отъехал далеко от деревни, в которой жил, и его тело захоронено где-то в ближайшем лесу.

– Нет! – воскликнула Вика. – Клим... Он не мог убить! Не мог!

– Зато мог Алексей Сагитов. И делал это не раз. В материалах уголовного дела, о котором я вам говорил, имеются описания совершенных им преступлений.

– Нет, он не такой! Он был внимательный, заботливый! Очень добрый человек! И он меня любил!

– Насчет доброты я мог бы с вами поспорить. А что касается остального... вполне возможно, что он действительно вас полюбил. Глядя на вас, в это совсем нетрудно поверить. Но все же главной его целью было обосноваться в нашем городе, получить прописку, изменить образ жизни, чтобы окончательно исчезнуть как для правосудия, так и для своих бывших подельников. Кстати, вы знаете, что ни в какие командировки его на работе не посылали? Примерно раз в месяц он брал отгул и уезжал в неизвестном направлении.

– О боже! – Вика схватила за голову.

– Тебе плохо, Викуль?! – сорвалась с места Лена.

– Нет... Или да, плохо! Этого не может быть! Не может! Клим...

Чувственные губы, чуть прищуренные, улыбающиеся серо-зеленые глаза: «Мы с тобой прямо как дети, Викуль...» Ее муж, отец ее неродившегося ребенка! И – матерый преступник, убийца?!.. А она?! Кто она теперь? Воронина? Или Сагитова? И на могиле Клима... или Алексея... что теперь писать? Что?! И тут Вику пронзила еще одна мысль! Безумная, но дающая ей надежду.

– Послушайте, – обратилась она к следователю. – Раз Клим однажды уже, так сказать, воскрес из мертвых, то, может, он и сейчас остался жив?

– Вот на это не стоит надеяться. Видите ли, мы провели анализ его останков на ДНК. Поэтому я точно могу утверждать, что погибший – именно Алексей Сагитов.

– А что, у вас в архивах хранят и образцы ДНК? – удивилась Вика.

– Нет, не хранят. Но... простите, что я с вами об этом говорю... сравнительный анализ проводился с ДНК вашего общего ребенка. И совершенно точно установлено, что погибший и ваш малыш являются кровными родственниками. Простите, Вика. Это было необходимо.

– Понятно. – Она вздохнула, пытаясь справиться с подкатившими к горлу слезами.

– Виктория Александровна, я понимаю, как тягостен для вас этот разговор. Поэтому, как и вы, хотел бы закончить его побыстрее. – Следователь выложил на стол несколько фотографий. – Посмотрите, пожалуйста: среди этих людей нет ли Артема и Юры, что приходили к вам в гости?

Вика внимательно, одну за другой, посмотрела все фотографии и покачала головой:

– Нет! Один как будто похож на Юру. Но именно похож, не более того.

– Хорошо. Спасибо. Может, мы с вами попытаемся составить фоторобот ваших гостей?

– Попытаться можно, только у меня зрительная память не слишком хорошая, так что не знаю, что из этого получится.

– Ну, похожую-то фотографию вы нашли. А пока у меня к вам еще один вопрос, я его уже задавал в больнице: вы не в курсе, у вашего мужа были какие-то финансовые источники, кроме официального заработка? Подумайте, вспомните.

– Да нет же. Иногда у нас до полочки оставалась сотня в кармане, и мы на нее тянули несколько дней. Все, как в любой семье! Если бы у Клима были припрятаны деньги, разве он стал бы дожидаться дня зарплаты?

– Должен вас удивить: в изрезанном диване в вашей взломанной квартире был устроен тайник. Естественно, его содержимое унесли, но эксперты дали заключение, что там, скорее всего, находились деньги. А кроме того, как лодка с боксом, так и машина вашего мужа были куплены явно не на зарплату, потому что такие покупки рядовому служащему не по зубам.

– Может, у него оставалось что-то от... прошлой жизни? Вот он и вложил эти деньги в свою технику. Но это было до нашей встречи, и больше никаких крупных трат он не делал. Разве что колечко мне к свадьбе купил, вот оно, с бриллиантом. Но и то, я случайно узнала, что хотел он взять другое. Услышала обрывок разговора по телефону. Однако не купил – видимо, оно оказалось ему не по средствам. Хотя на мне Клим никогда не экономил... в пределах разумного, конечно. Так что про деньги в тайнике – это лишь догадки.

– Понятно. Хорошо, спасибо вам за беседу. Не исключено, что нам с вами еще придется встретиться...

– Надеюсь! Я хочу, чтобы вы нашли тех, кто устроил взрыв! И если чем-то еще смогу вам быть полезна, то всегда готова прийти, только позовите. И фоторобот... Я постараюсь, чтобы его составили как можно точнее. Ведь, что бы вы ни наговорили мне сегодня про Клима, а он – мой... он был моим мужем. И я его люблю. Поэтому и хочу, чтобы его убийц наказали.

Прошло несколько дней, а Вика никак не могла до конца осознать, осмыслить все, что она узнала в кабинете следователя. Услышанное никак не вязалось в ее голове с образом Клима, как будто ей рассказали историю про какого-то другого человека. Даже имена... Она и так

и эдак повторяла про себя: Клим, Алексей... И никак не могла увязать между собой эти два имени.

В конце концов она не выдержала, обратилась к следователю с просьбой дать прочитать ей досье Алексея Сагитова. Юрий Степанович, понимая чувства молодой женщины, пошел ей навстречу и сделал копию с досье. Вика несла эти бумаги домой почти что бегом и раскрыла папку едва ли не у самого порога. Пока Клим был жив, она не стремилась что-то узнать о его прошлом, а теперь словно хваталась за соломинку, непонятно что способную изменить.

Выяснилось, что в прошлом Клима... Алексея... и впрямь было много такого, что не хотелось бы вспоминать. Мать его воспитывала одна, отец по каким-то причинам их бросил почти сразу после рождения сына. Условия жизни были не из легких: проблемы с жильем, которое приходилось снимать, постоянные материальные затруднения. Алексею пришлось подрабатывать еще в школьные годы, чтобы помочь матери свести концы с концами. Но, несмотря на тяжелое детство, учился мальчик очень хорошо, и сам, без всякой посторонней помощи, сумел поступить в престижный институт на радиотехнический факультет. Там его успехи тоже были бесспорны, он шел на красный диплом. И все шло прекрасно, блестящая карьера была бы ему обеспечена, если бы в конце четвертого курса не грянул скандал: студент Сагитов прямо в фойе разругался с доцентом института и всенародно закатил тому пощечину. Как выяснилось позже, студент обвинял преподавателя в том, что тот присвоил себе его открытие, которым юноша поделился, надеясь на помощь в дальнейшей разработке. Но вышло иначе, профессор благодаря открытию Сагитова защитил диссертацию, а на долю истинного автора изобретения не выпало ничего. Но каковы бы ни были мотивы скандала, студента, не пожелавшего принести преподавателю свои извинения, исключили из института, можно сказать, с волчьим билетом, автоматически закрывшим ему дорогу во все остальные вузы. Тут-то Алексей Сагитов, золотая голова, и встал на кривую дорожку. Он выполнял штучные заказы криминальных элементов на изготовление всякой шпионской аппаратуры, потом главарь группировки заметил талантливого парня и приблизил его к себе. И не прогадал, потому что прагматичный ум Алексея способен был не только изобретать электронику, но и придумывать планы всевозможных афер, изощренных и дерзких. Следователь не скопировал для Вики материалов всего уголовного дела, он дал ей лишь копию досье самого Алексея, из которого она не могла узнать всех подробностей его деятельности. Но судить о них могла хотя бы по тому, каким авторитетом стал пользоваться Алексей в криминальных кругах. И не только в рамках своей группировки, но и за ее пределами. Все это продолжалось довольно долго, до тех пор, пока банда не оказалась разгромлена. План по ее захвату был разработан оперативниками с ювелирной тщательностью. Но и тут благодаря уникальным способностям Алексея, а также тому, что он умел предчувствовать опасность, нескольким членам группировки удалось ускользнуть из рук правосудия. Алексей, естественно, оказался в их числе. Добыл себе новые документы, залег на дно. Как именно он это сделал – Вика уже знала от следователя. Оставался вопрос, надолго ли? Сколько времени человек гениального ума мог довольствоваться скромной должностью обычного служащего бензозаправки? А может, и не довольствовался? И именно за это, а не за свои прошлые «заслуги», был убит? Потому что, если бы прежние «друзья» вышли на Алексея, они, наверное, не стали бы уничтожать того, кто обеспечивал им финансовое благополучие, а снова попытались бы использовать его изобретательный ум. Или это была их месть за то, что Алексей отказался с ними сотрудничать? Что, если он, обретя семью, действительно решил начать новую жизнь, в которой не было места криминалу? И именно из-за этого погиб? Чем дольше Вика думала о случившемся, тем невыносимее ей становилось. Ведь получалось, что Алексей поплатился жизнью за нее и ребенка, за их будущее!

Всхлипнув, Вика отбросила от себя бумаги. Что толку с того, что она теперь знает биографию Алексея Сагитова? На самые главные вопросы у нее ответа нет. И будет ли, даже если дело раскроют и убийц найдут? Вика очень хотела посмотреть на них, заглянуть им в глаза. А

еще мучительно захотелось съездить к Климу на могилу, прямо сейчас. Лены дома не было, и Вика, не откладывая, вызвала такси. Собралась чиркнуть тетушке записку, но потом махнула на эту затею рукой: возможно, она вернется еще до приезда Лены. А если нет, то они созвонятся. Или... Вика вытащила из кармана телефон и бросила его в прихожей: не хотелось, чтобы в скорбную тишину возле могилы любимого человека ворвалась заурадная трель звонка. Одевшись – весна в этом году под стать мрачному Викиному настроению была затяжная и хмурая – Вика выбежала из подъезда к ожидающей ее машине.

Оказавшись возле могилы, она замерла, глядя на фотографию – единственное, что, кроме даты смерти, не вызывало сомнений. Смахнула набежавшие слезы, прошептала:

– Алешенька!

Она повторяла это имя все прошедшие дни, пытаясь привыкнуть к его звучанию. Несмотря на это, с образом ее Клима имя не слишком вязалось в ее голове. Но здесь, на кладбище, она заставила себя назвать мужа именно так, его собственным именем – ведь кто знает, что он испытывал, когда был вынужден жить под чужим?

– Алешенька! – снова прошептала Вика.

Он чуть заметно улыбался ей с фотографии самыми краешками своих чувственных губ. Самых красивых в мире. Вика стояла, не в силах оторвать от них взгляда. Что бы ни представлял собой этот человек, но для нее почти на три года он стал и отцом, которого ей всю жизнь не доставало, и другом, и любовником, и мужем – всем. И видела она от него только хорошее. А что до его прошлого, то Вика считала, что судьба так распорядилась, заставив его встать на кривую дорожку.

Очнувшись от своих раздумий Вика только тогда, когда совсем окоченела под порывами не по-весеннему холодного ветра. Протянув руку, попыталась сорвать с деревянного креста табличку, на которой были указаны чужое имя, чужая дата рождения – Алексей, оказывается, был на два года старше настоящего Клима Воронина – но табличка оказалась привинчена крепко, и без отвертки справиться с ней не удалось. Тогда, оставив свои попытки, Вика кивнула фотографии:

– Я вернусь сюда с отверткой и с новой табличкой. Тебе пришлось жить под чужим именем, так хоть на могиле пусть будет написано твое собственное. Или ты этого не хочешь? Если нет, то дай мне как-нибудь знать. Я постараюсь услышать и понять.

Муж только чуть заметно улыбался Вике с фотографии, пока она говорила и отходила, пятясь и все никак не решаясь повернуться к нему спиной. А когда она наконец развернулась и пошла к выходу с кладбища, у нее возникло ощущение, что он пристально смотрит ей вслед.

Выйдя на дорогу, Вика обругала себя за оставленный дома телефон. Ведь можно было просто выключить на время звук. Теперь вот даже такси не вызвать. А она очень замерзла. Из-за этого даже к маме на могилу не зашла впервые за прошедшие годы. На рейсовый автобус надеяться не стоило: судя по отсутствию пассажиров на остановке, он либо только что ушел, либо и вовсе приходить не собирался, время-то уже позднее для посещения кладбищ. В итоге – ничего другого не оставалось – Вика решила ловить попутку. Первые три машины проехали мимо, не откликнувшись на ее призыв. Водитель четвертой, дядечка лет пятидесяти с пышными усами, притормозил.

– До города не подбросите? – спросила Вика.

– Да я не совсем до города, сверну на Озерцы. Но ты садись, подброшу до поворота, а там уж рукой подать. Да и машины ходят чаще.

– А вы в Озерцы едете? – переспросила Вика, растирая озябшие руки. Тепло салона быстро передавалось телу, она отогревалась. И домой ей не хотелось, так что план созрел мгновенно. – Подбросьте меня до лодочной станции, пожалуйста, – попросила она.

– До лодочной? – удивился мужчина. – Но ведь оттуда тебе еще сложнее будет выбираться, чем с кладбища.

– А у меня там муж, – заявила Вика, млея от своей лжи. Но можно было хотя бы помечтать, сидя в машине. А насчет выбраться... она попросит сторожа вызвать такси. Номер у нее есть, записан на визитке, что лежит в кошельке, уж разорится ради нее сторож на один-то звонок. Если что, она его ему оплатит.

– Ну, тогда другое дело, – кивнул водитель.

Доехали они быстро, но Вике хватило времени на то, чтобы окончательно отогреться. Выйдя на повороте к станции, она прошла оставшуюся до шлагбаума сотню метров и нырнула под него. Сторож ее, похоже, не заметил, да и не удивительно: сюда никто не приходил пешком, все приезжали на машинах, с оснащением для рыбалки. Вика никогда раньше не задумывалась, что и лодка, и бокс стоили немалых денег, и машина у них с Климом была дорогая. Не задавалась вопросом, откуда он мог все это взять – ну, есть и есть! Вика просто жила и была счастлива. Впрочем, могла быть счастливой просто с Климом, без всего остального. И если теперь приехала сюда, то лишь потому, что ей дорого все, что связано с погибшим мужем. Медленно прошла через пустую парковку. Сторож все-таки увидел ее, окликнул на полдороге. Вика помахала ему рукой, он ее узнал. Спросил, не нужно ли чего, а когда она помотала в ответ головой, снова скрылся в сторожке, оставив ее в покое. Вика запоздало подумала о том, что теперь она здесь, по сути, уже никто, и он не должен был ее пропускать. Но то ли он сам об этом не подумал, то ли пропустил по доброте душевной, прекрасно понимая мотивы ее приезда.

К воронке, оставшейся на месте взрыва, Вика не стала подходить, хоть там и было уже все расчищено и гравий завезен. Но все равно ей было слишком страшно. Слишком. Поэтому она сразу пошла на причал и медленно двигалась вдоль него, ведя пальцем по сырым металлическим перилам. Так странно было оказаться на том месте, где в одно мгновение оборвалась вся ее прежняя жизнь. В прошлый раз она стояла здесь женой и будущей матерью, а теперь – одинокой вдовой, знающей, что она носит чужую фамилию. Вика остановилась, стиснула перила обеими руками и закрыла глаза. Вот бы – раз! – и все вернуть обратно, к тому, что было! Ну почему туда – легко и просто, а обратно – никак?! Ведь два этих мира разделяет всего лишь одно мгновение! Всего одно!

Громкий всплеск раздался неподалеку. Какая-то крупная рыба разыгралась. Рыбина, которую Климу уже никогда не поймать. Всплеск повторился почти в том же самом месте. Судя по звуку, рыба была большой, но Вика не стала ее высматривать, зная, что та, неуловимая и стремительная, уже несется в своей среде, и неизвестно, где вынырнет в следующий раз. Она устремила свой взгляд вдаль, за боксы. Весна в этом году запаздывала, и вместо того, чтобы окутаться пышной листвой, деревья лишь подернулись зеленоватым пухом, который едва мог пробиться сквозь серость пасмурного дня, чтобы заявить о себе. И снова кто-то жег костер, сизые завитки дыма клубились между деревьями. Наверное, это были рыбаки – кто же еще? Из тех, кто не мог позволить себе иметь моторную лодку и личный бокс. Это действительно была роскошь, позволяющая не только рыбачить, но и просто погонять с ветерком по просторам озера. Рыбы же и возле берега хватало, особенно если ловить на спиннинг. Вот, снова всплеснула где-то совсем рядом, как будто даже под сваями причала. Вода зажурчала, потом что-то шлепнуло по бетону. Вика невольно взглянула вниз. В воде влажно блеснуло что-то большое и черное, как будто дельфин, которого в озере, разумеется, и быть не могло. Но не успела Вика осознать эту мысль, как откуда-то из-под причала вдруг вылетел тросик с грузом на конце, и несколькими оборотами обвился вокруг ее ноги. А потом что-то с силой дернуло Вику вниз, заставив упасть.

Сколько бы она ни думала в последнее время о том, что не хочет больше жить, а инстинкт самосохранения сработал прежде, чем она поняла, что происходит. Вскинув руку, Вика намертво вцепилась в нижнюю часть перил. Неведомая сила пыталась проташить ее под ними и сдернуть с причала. Изогнувшись, она второй рукой вцепилась в перила. Тросик как будто ослаб на мгновение, но не успела Вика облегченно вздохнуть, как последовал рывок, еще

на четверть сдернувший ее с причала. Теперь Викины ноги были в воде, и чья-то невидимая рука ухватила за одну из них, продолжая стягивать вниз. Вика цеплялась за перила, помогая себе и плечами, и головой. Однако сползала с причала сантиметр за сантиметром, и руки постепенно разгибались, уступая превосходящей силе. Что делать?! Вика даже представить себе не могла. Кричать бессмысленно, сторож отсюда все равно ее не услышит. Да и хватит ли у нее, хрипящей от напряжения, сил на крик? Что с ней вообще собираются сделать?! Утопить?!

– Вика! – Частый топот ног по бетону раздался одновременно с возгласом. Андрей Смирнов появился так неожиданно и вовремя, что это было похоже на чудо. Впервые за прошедшие годы его появление ее обрадовало. Он подбежал, схватил ее под мышки, рванул на себя. Почти одновременно с этим Вика ощутила, что ее ноги свободны. Смирнов одним рывком выдернул Вику на причал, она упала на колени, пытаясь отдышаться. Потом вспомнила про тросик, все еще обвивающий ее ногу, и дрожащими руками поспешила его размотать.

– Что случилось, Викуль? Ты чего? – присев перед ней, допытывался Смирнов.

– Нога... – заговорить у Вики получилось не сразу. – Кто-то ухватил меня и попытался утащить под воду.

Смирнов размотал без усилий тросик, показал его Вике:

– Скорее всего, кто-то бросил его здесь, а ты просто запуталась в нем и споткнулась, Викуль!

– Я не спотыкалась! – вспыхнула она. – В это время я не шла, а стояла на месте!

– Может, ты задумалась и переступила с ноги на ногу?

– Смирнов, ты что, считаешь меня идиоткой?! Как можно было переступить на месте так, чтобы вылететь с причала и почти упасть в воду? Меня кто-то тащил, понимаешь?!

– Ну хорошо, хорошо, Викуль. – Он примирительно вскинул руки.

Не верит, поняла она. Не верит, потому что сам вытащил этот злополучный трос без малейшего усилия. Тот, кто тянул за него с той стороны, успел отпустить свой конец. А видеть, подбегая, Андрей ничего не мог, потому что Вика и сама ничего не видела. Разве что слышала всплески, да мелькнула перед глазами дельфинья кожа... или фрагмент гидрокостюма, тут же подумалось ей. Конечно! Ведь рука, что тянула ее вниз, явно была человеческой. Что же это получается?! Кто-то специально переоделся, чтобы подкараулить ее здесь? Но влезть в гидрокостюм – дело не одной минуты. А заранее сделать это не могли, потому что она и сама еще утром не знала, что приедет сюда. Или неведомому ныряльщику не важна личность жертвы, и его выбор пал на нее случайно?! Но что же тогда вообще здесь происходит, в этом озере?!

Смирнов тем временем поставил Вику на ноги:

– Пойдем, Викуль! Ты ноги промочила. Скорее в машину, там разуешься.

Она не стала сопротивляться. Конечно, больше всего ее трясло от пережитого страха, но и вода в озере была очень холодной, почти ледяной. А главное, Вике хотелось убраться отсюда как можно быстрее и дальше.

– Ты-то как здесь оказался? – спросила она, пока они со Смирновым добирались до оставленной за шлагбаумом машины.

– Лена мне позвонила. Рассказала, что ты сбежала из дома, бросив свой телефон, и попросила тебя отыскать. Вот я и решил: ты либо на кладбище, либо на станции. Съездил вначале на кладбище, но там тебя уже не застал, остались только твои следы на влажной земле, вот я и рванул сюда. Спросил у сторожа, он сказал, что ты приехала, и разрешил мне пройти.

– Логично, – кивнула Вика. Но Лена-то хороша! Как будто больше не к кому было обратиться! И что за дела у нее могут быть со Смирновым за ее-то спиной?! Ох, и получит у нее тетушка! После того как сама выдаст свою порцию Вике...

Смирнов тем временем отметился у сторожа, довел ее до машины, и, усадив на переднее сиденье, принялся разувать, потому что у самой Вики руки были как деревянные. Еще и ладони оказались ободраны. То ли поранила, когда упала на причал, то ли когда цеплялась, пытаясь

удержаться на нем. Теперь они пульсировали и саднили так, что боль отдавалась в распухших запястьях. И нога... Одну Смирнов разул без проблем, закатав брючину, чтобы мокрая ткань не касалась ее ноги. А когда взялся за вторую, Вика болезненно охнула.

– Ты чего, Викуля? – Уже осторожнее он все-таки снял с нее туфлю, носок. И присвистнул: – Ничего себе!

– Теперь-то ты мне веришь? – Вика тоже увидела свою ногу. Точнее, широкий багровый рубец в том месте, где ее обвивал тросик.

– Теперь да. – Смирнов внимательно осмотрел Викину лодыжку. – Споткнуться так ты не могла ни при каких обстоятельствах. Но что же это получается? Кто это мог быть?

– Ты меня спрашиваешь? Еще минуту назад ты вообще мне верить отказывался.

– Не отказывался, Викуль. Просто допускал, что тебе могло почудиться. Ведь эта трагедия повлияла на тебя очень сильно.

– Ты еще мою контузию вспомни. – Вика выдернула у него ногу и села как положено, закрыв за собой дверцу у него перед носом. Тепло от автомобильной печи приятно обтекало обе ноги. Правда, для правой это удовольствие оказалось еще и болезненным.

– Зря ты так, Викуль. – Смирнов проскользнул в свою дверцу на водительское сиденье, но браться за руль не спешил, повернувшись к Вике. – Я не считаю, что с тобой что-то не в порядке. Но в этом месте, да еще в наступающих сумерках... Однако теперь я вижу, что ошибался и ты не преувеличивала! Знаешь, посиди-ка здесь минуточку, а я сбегая к причалу и прихвачу тот трос с собой. Надо было его сразу забрать.

– Нет!!! – Одна мысль о том, чтобы снова остаться одной в этом зловещем месте, заставила Вику вцепиться в Андрея обеими руками. – Не уходи! Плевать на трос, пусть его полиция ищет, если он все еще там! Поехали отсюда!

Оценив Викино состояние, Смирнов даже не попытался возражать, сразу развернул машину в сторону города. Однако мысль о случившемся не давала ему покоя, и он спросил:

– Ну, ты разглядела, заметила хоть что-нибудь?

– Человек был в гидрокостюме. Это все, что я успела заметить, когда он вынырнул, чтобы меня ухватить. – При этом воспоминании нервная дрожь пробежала по ее телу. – И подбирался ко мне, и уходил потом он под водой. Ты и сам ведь его не видел.

– Я на тебя смотрел. Даже не сразу понял, что происходит. Подумал было, что ты решила... искупаться.

– Ты хотел сказать «утопиться», – поправила Вика. – Называй вещи своими именами.

– Ну, пусть так.

– Глупо. Из всех смертей я бы в последнюю очередь выбрала именно эту. Если ты не в курсе, то я слишком хорошо плаваю, Смирнов.

– Вот и чудесно, – кивнул он, озадаченно глядя на обгоняющую их машину.

Вику ее появление тоже немало удивило. Откуда она могла тут взяться? На лодочной станции ее не было. Разве что это рыбаки, которые разводили костер? Почти стемнело, так что им самое время сейчас возвращаться домой, если они не собирались ночевать на озере.

Машина между тем вырвалась вперед и начала притормаживать, принуждая к тому же и Смирнова.

– Что это они?! – встревожилась Вика.

– Ты пристегнуться не забыла? – спросил он вместо ответа.

– Забыла. – Вика завоzilась с ремнем безопасности. Он что, думает, это могут быть гаишники? Но какого черта им караулить на этой глухой дороге?

Смирнов между тем, как от него и требовали, остановился, но не стал выходить, а замер, выжидая. Вика еще раз посмотрела на замершую метрах в десяти перед ними машину. Не похожа она на служебную! Никаких маячков, опознавательных знаков! Темная иномарка с тонированными стеклами, забрызганная грязью почти по самую крышу.

– Смирнов, поехали отсюда! – попросила Вика. Может, это и в самом деле рыбаки, захотевшие у них что-то спросить, но ей стало не по себе.

– Поедем, Викуль, обязательно, – кивнул Смирнов, не сводя глаз с машины.

Какое-то время она просто стояла, но когда в ней поняли, что они не собираются проявлять инициативу, водительская дверца открылась.

– Держись, Викуль, – спокойно, как-то обыденно сказал ей Смирнов, выжимая газ. Их машина рванулась вперед, быстро набирая скорость. Вика даже испугаться не успела, а собравшийся выходить водитель иномарки преследователей едва успел вдернуть обратно в салон ногу и руку, когда Смирнов на полном ходу врезался в распахнутую дверцу, смял ее, буквально вывернув наизнанку и, не притормаживая, понесся дальше.

– Андрей, ты сумасшедший! – воскликнула Вика, начиная приходить в себя. – А если это и в самом деле были рыбаки?!

– Я извинюсь, – пообещал он, все так же нажимая на газ и внимательно следя за дорогой. Света фар позади не было видно, и это позволяло надеяться на то, что их не преследуют. Если вообще собирались это делать... Теперь, когда иномарка осталась позади, Вика испытывала уже не страх, а раскаяние.

– Можно же было как-нибудь аккуратнее, – пролепетала она.

– Викуль, у меня тоже как минимум фара разбита, так что не они одни в убытке. Но я придерживаюсь железного правила: никогда не вступать в контакт, если тебе его откровенно навязывают, да на пустынной дороге, да еще из машины с заляпанными номерами.

– Но она вся была в грязи, так что номера не могли остаться чистыми.

– Вот завтра и узнаем, на чьей стороне правда. Мои-то номера они могли разглядеть. Если обратятся с жалобой, значит, я был не прав. Ну, а если не обратятся, значит, не зря мы с тобой это родео устроили.

Вика не нашла, что ему ответить. События сегодняшнего дня не укладывались у нее в голове. Водолазы... что им делать в озере? И не они ли потом преследовали их на таинственной машине? Ответов на эти вопросы у Вики не было. Одно она знала наверняка: что завтра с утра пойдет к следователю и все ему расскажет... Ну, почти все. Про смирновскую выходку на дороге она промолчит, пусть пострадавшие сами с ним разбираются. Или, если он хочет, пусть расскажет следователю сам.

– Ну, вот мы и приехали, Викуль, – прервал ее мысли Смирнов, останавливаясь возле подъезда. – Я провожу тебя до дверей.

– Андрей... – Вика посмотрела на него. Надо было сказать ему спасибо, ведь сегодня, как ни крути, а он ее спас. Но благодарить того, кто повинен в маминой смерти, у Вики язык не поворачивался. Положение спасла Лена, вылетевшая из подъезда. Оправдываться перед ней не пришлось, она с плачем кинулась к Вике, потом принялась благодарить Смирнова за них обоих, даже не подозревая, чем именно они ему обязаны. Он проводил их обеих до квартиры, но заходить не стал. Кивнул от порога:

– Пока, Лен. Звони, если что. А остальное Вика сама тебе расскажет.

Рассказать пришлось. Сидя на диване, закутавшись в плед, с бокалом сваренного Леной глинтвейна. Теперь, в тепле и тишине квартиры, эта история казалась Вике нереальным, дурным сном. И только пульсирующая болью нога да саднящие ладони подтверждали, что все это ей не почудилось.

– В общем, если бы не Смирнов, – вздохнула Вика, – то мне бы здесь не сидеть. Не хотелось быть ему ничем обязанной, и вот...

– А вот нечего было болтаться где попало! – все-таки напала на нее Лена. – Чего ради тебя из дому понесло?! Ты даже не представляешь, что я пережила за эти часы!

– Прости, Лен. Но ты тоже хороша! Нашла к кому обратиться.

– А что, были варианты? Я из дома уйти не могла, осталась тебя караулить, потому что ты здесь могла объявиться. А из всех наших знакомых безотказно сорваться, бросив все дела, и пуститься на твои поиски мог только Андрей.

– И как ты связаться-то с ним умудрилась? – ворчливо спросила Вика. – Что, и до этого вы общались за моей спиной?

– Общались. Пока ты была в больнице, он попросил у меня номер телефона. Звонил мне узнать, как ты. И что бы ты сейчас ни думала, я не считаю, что с моей стороны это было преступлением. Как не жалею и о том, что обратилась к нему! Я ведь тебе на причале помочь вряд ли смогла бы, мое появление этого водолаза точно бы не отпугнуло. И с той машиной, я считаю, Андрей действовал именно так, как надо.

– Ну да, Смирнову виднее, – усмехнулась Вика. – Ему же не привыкать общаться с бандитами.

– Если ты намекаешь на род его занятий, то должна тебя разочаровать: у него несколько магазинов и сервисный центр. Все легально. Ну да, начиналось-то у него наверняка не все гладко, и сомнительные знакомые есть до сих пор. Но у кого их нет?

– Если ты имеешь в виду меня и Клима... – Тут же подобралась Вика.

– Господи, да никого я не имею в виду! Хотя, если хочешь, да! Смирнов был повинен в том, что в нетрезвом виде пошел на поводу у разгулявшихся друзей, один из которых действительно недавно вернулся с зоны. А твой Клим... да он был мозговым центром преступной группировки!

– Лена!!!

– Ладно, молчу! Но и ты прекращай смотреть на меня своим инквизиторским взглядом! Я не предавала Ксюшеньку, и ее память мне так же дорога, как и тебе. Однако, если человек искренне раскаивается в своем преступлении и если хотел бы, да уже не может ничего изменить, я не стану держать на него зла. Никто из них не думал, что так все закончится, и если ты помнишь, то на суде они все раскаивались. Даже тот, с зоны...

– Лен... А ты не думаешь о том, что они собирались с нами сделать? И сделали бы, если бы не мама?

– Викуль... сложно теперь говорить о том, что могло бы быть, но чего так и не случилось.

– Мне не сложно. Я до сих пор помню весь тот ужас и их гадкие руки. Если бы не мама... Да для меня это стало бы хуже смерти!

– Викуля, девочка моя, пойми, я их не оправдываю. Но что касается Смирнова, то, видя такое искреннее раскаяние...

– Ладно, Лен, давай больше не будем об этом, – отступила Вика. – Общайся, с кем хочешь, я тебе не указчик. И не хочу с тобой ссориться.

– Так ведь и я не хочу, Викуль, – вздохнула Лена, обнимая ее.

К следователю они пошли вместе. Вика все подробно рассказала ему, включая эпизод про машину, – оказывается, Смирнов перед уходом, словно прочитав Викины мысли, успел сказать Лене, чтобы они ничего не скрывали. Следователь выслушал Вику очень внимательно, осмотрел и ногу, и руки. Потом покачал головой:

– Ваше предположение, что это могли быть какие-то маньяки, я отметаю сразу. Ни один человек, даже самый безумный, не стал бы погружаться в озеро, чтобы сидеть в ледяной воде и ждать: а не появится ли в будний день на пустынном причале подходящая жертва? Нет, Виктория Александровна, я почти уверен, что этот тип нацелился именно на вас. Вы же сами слышали всплески, когда он вас заметил и несколько раз выглядывал из воды, чтобы убедиться, что не ошибается. Интерес к вам подтверждается и тем, что вас потом попытались перехватить на дороге. Скорее всего, в машине сидели те же самые люди, и было их не меньше двух человек, потому что они рассчитывали справиться с вашим спутником, в то время как на озере с

его появлением расклад сил оказался в вашу пользу, у вас на пирсе была более выигрышная позиция.

– Но... зачем? Кому я могла потребоваться? Если бы начали с меня, желая отомстить Климу, это было бы понятно. Но теперь, после его гибели...

– О причинах такого интереса к вам мы можем лишь строить догадки. Но, как мне кажется, вряд ли целью этих людей являлось ваше убийство, оно бы им действительно ничего не дало. Скорее всего, вас хотели о чем-то расспросить. Да и человек в озере вряд ли занимался подводной охотой, вода еще настолько холодная, что надо быть очень большим энтузиастом этого занятия. Нет, я скорее допускаю, что в озере он что-то искал. То, что не смог отыскать ранее в вашей взломанной квартире, – я почти уверен, что оба этих дела свяжутся в одно. Нечто настолько важное, что нельзя было отложить поиски на более теплое время года. И, как мне кажется, он посчитал, что вы ему в этом как-то могли бы помочь. В связи с этим, Виктория Александровна, я еще раз хочу спросить: вам действительно ничего не известно о нелегальной деятельности вашего мужа? Может, он все-таки что-то доверил вам? Что-то такое, чему вы сами не придали никакого значения?

– Да нет же! Что это может быть? Я даже представить себе не могу.

– Ну... какие-то бумаги? Цифры? Коды? Электронные устройства типа брелка? Не стоит забывать, что ваш муж был хорошим специалистом по радиоэлектронике.

– Да нет же! Я даже флешки никогда у Клима не видела. Брелок он мне действительно дарил. Но судите сами... – Вика вытащила на свет кисточку из серебряных цепочек разной длины, на которых было подвешено несколько мелких камешков янтаря. В тонкой, насквозь просматриваемой вещице вряд ли что-то умудрились бы спрятать даже японские гении минимализма.

– И больше ничего? – спросил следователь, возвращая Вике безделушку.

– Ну, про кольцо я вам уже говорила. – Она шевельнула пальцами левой руки, на одном из которых поблескивало обручальное колечко с бриллиантом.

– Да, – вздохнул Юрий Степанович. – Ну что же. Я съезжу с группой к озеру, взглянем на следы от машины и на остатки кострища. А еще организую отряд водолазов. Пусть тоже поищут в озере. Хотя в успехе поисков очень сомневаюсь. Ведь тот, кто там нырял, по крайней мере, знал, что ищет. Нам же этого не дано. А вы, Виктория Александровна, пожалуйста, одна за порог ни ногой, особенно в темное время суток. Я буду держать вас в курсе. Но и вы, если вдруг что-то вспомните, не тяните с новостями. Это в ваших же интересах.

– Этого вы могли мне даже не говорить, – вздохнула Вика, прощаясь.

От следователя Лена отвезла ее напрямик домой, а потом поехала на работу. Когда же вернулась вечером, следом за ней на пороге возник и Смирнов. Даже несмотря на вчерашнее, увидеть его Вика никак не ожидала! Он, едва поздоровавшись, сразу доложил:

– Я по делу. Решили с Леной здесь встретиться, чтобы ты все узнала из первых рук и чтобы она тебе потом не пересказывала.

– Ну так давай, выкладывай, – потребовала Вика, как только были соблюдены все законы гостеприимства.

– Прежде всего хочу сказать, что никаких повесток и претензий я сегодня не получал. Это кое о чем говорит, правда? Потом я обзвонил всех своих знакомых ребят в автосервисах, чтобы узнать, не обращался ли кто к ним, чтобы дверку приделать. Я ведь и сам работаю в этой сфере, поэтому знаю в нашем городе практически все автоточки. Так вот, ни в один известный мне автосервис обращений не было. Значит, либо у товарищей есть своя подпольная ремонтная база, либо они решили обойтись пока без этой машины и не засвечиваться. Но вот где ее спрятали, выяснить я не смог. Просто так бы не бросили, угонят ведь и без двери, или просто раскурочат. А на охраняемых стоянках ее нет. Значит, остается гараж, собственный или арендованный, с этим будет сложнее, если вообще что получится. Еще я расспросил ребят-дайве-

ров, не проявлял ли кто в последнее время повышенного интереса к нашему озеру – рельеф дна, карты подводных течений. Но и они ничем мне не помогли.

– Смирнов, ты что, расследование сам решил провести? – поинтересовалась Вика.

– Официальному следствию это не повредит. Ну, а теперь подходим к самому интересному. Проезжал я вчера где-то около полуночи мимо нашей больницы, и стукнуло меня сунуться туда. Просто показалось, что мужика в машине я все-таки слегка зацепил. Ну, в общем, преподнес я девушкам в приемном покое презент и историю о том, что стал виновником несчастного случая, и теперь вот хочу как-нибудь связаться с пострадавшим, хотя бы для того, чтобы извинения принести. Не скажут ли они, обращался ли кто-нибудь к ним сегодня вечером с травмой левой ступни или кисти? И если обращался, то не дадут ли они мне адресочек в частном порядке? Выяснилось, что с травмой пальцев на левой руке к ним действительно обращались. Перелома, как показал рентгеновский снимок, не оказалось, но был сильный ушиб, пострадавшему оказали первую помощь и отпустили домой. Тут я совсем воспрянул духом – надо же, повезло! – и попросил у девчат адресочек. Они мне дали целых два – пострадавший оказался иногородним, один адрес был местом официальной регистрации, а второй – фактического проживания в нашем городе. Я, не откладывая дела в долгий ящик, сегодня с утра первым делом рванул на указанную улицу. И вот тут удача развернулась ко мне, так сказать, тыльной частью тела. Выяснилось, что в этом частном домишке живут дед и бабка, которые знать ничего не знают и никаких квартирантов к себе не пускали. Хотя нельзя сказать, что парень этот адрес из пальца высосал – город он наш знает, похоже, неплохо, – но искать его именно в указанном районе нет никакого смысла. Я почти уверен, что реально он живет совсем в другой части города.

– А как насчет того адреса, по которому он прописан? – подала голос Лена.

– А что это нам даст? Того, кто нам нужен, там явно нет. А ответить на интересующие меня вопросы может только сам пострадавший – не думаю, что он посвящал в свои дела окружающих. Нет, надо эту компанию здесь искать. Минимум двоих человек.

– Я никак в толк не возьму, что же им все-таки от меня могло понадобиться, – развела руками Вика.

– Ну, на этот счет у меня есть кое-какие соображения. Все связано с твоим мужем, Викуль. Прости, конечно, что упоминаю о нем. Но, похоже, поторопились они с ним расправиться.

– Ты считаешь, что это сделали они?

– Ну не могла же вся криминальная Россия собраться в нашем городе с одной целью: взяться за вашу семью. Это как-то неправдоподобно выглядит. Логичнее предположить, что кто-то из бывших знакомых Сагитова случайно увидел его в городе и узнал. И стал за чем-то преследовать. Исходя из их дальнейших действий, можно предположить, зачем именно: похоже, Викуль, у твоего мужа было припрятано что-то ценное вообще или конкретно для этих типов. Может, какая-то ювелирка, а может, компромат на кого-то из них? Об этом мы можем только гадать. Да, собственно, сие пока и не важно. Главное, что эти типы очень заинтересованы в том, чтобы припрятанное раздобыть. Только вышла у них неувязочка. Думаю, что они сунулись к твоему мужу с угрозами, требуя, чтобы он рассказал им, где устроил свой тайник. Но они забыли, с кем имеют дело. Твой муж был очень непрост. Наверняка наговорил им чего-то, заставив поверить в свои слова, но при этом совершенно не собираясь выкладывать правду. Он ведь должен был понимать, что, выложив им все, тем самым подпишет себе смертный приговор. И, как показали события, он был прав. Но какую бы игру Сагитов ни попытался затеять, на этот раз она не удалась: его, так сказать, оппоненты посчитали, что узнали от него достаточно, и поспешили заминировать лодочный бокс. И только после гибели твоего мужа, Викуль, они поняли, что он их обманул. То ли не сказал им правды о тайнике, то ли сказал, да не всю. Как бы то ни было, найти они ничего не смогли. После чего стали метаться, хвата-

ясь за любую возможность исправить положение. Взломали дверь и обшарили твою квартиру. Нашли в ней что-то, да не то, что искали. Поэтому взялись вслепую обыскивать озерное дно. А когда увидели тебя на причале, им наверняка пришла в голову светлая мысль о том, чтобы тебя допросить. А может, они и раньше об этом думали, да только не имели возможности до тебя добраться. Ты же, приехав на станцию, сама дала им такой шанс, и судя по тому, как преступники за него ухватились, они возлагали большие надежды на беседу с тобой. Логично? Может, конечно, дела обстоят и не так, но иначе я то, что произошло, объяснить пока не могу. И, кстати, официальный адрес обращавшегося в больницу типа тоже подтверждает мою версию: твой муж на самом деле был, кажется, из Питера? Этот же прописан в Парголово, а это питерский пригород.

– А как его зовут, ты не помнишь? – поинтересовалась Вика.

– Обижаешь, Викуль! Помню, конечно. Зовут его Юрий Хапцов.

– Юрий?! – Вика встрепенулась. – Это не тот ли, случайно, Юра, которого вместе с Артемом Клим представил мне, как своего армейского друга?

– Вряд ли, – покачала головой Лена. – С той парочкой ты была хорошо знакома, они не стали бы подбираться к тебе такими дикими способами. Могли просто зайти и поговорить.

– В том-то и дело, что не могли, – возразила Вика. – Клим представил их мне, как армейских друзей. И они должны понимать, что, узнав правду про Клим, я уже не стану вести с ними дружескую беседу. Ведь быть действительно армейскими друзьями Клим... Алексея... они никак не могут. Потому что и Клим Воронин, и Алексей Сагитов если и служили в армии, то под своими собственными именами. А раз так, то эти люди изначально должны были знать, что Клим... то есть Алексей... выдает себя за другого. А кто промолчал бы, зная об этом, как не его бывшие сообщники?

– Да, ты права, – согласилась Лена. – Я как-то не подумала.

– Но в то же время, – задумчиво продолжала Вика, – вспоминаю я их, и не верится мне, что именно они погубили Клим. Слишком мирно они общались. Сколько раз у нас на кухне сидели, чаи гоняли, выпивали, беседовали.

– А что же, им сразу мордобой надо было устраивать? – спросил Смирнов. – Нет, Викуль, именно так они вначале и должны были поступить: попытаться договориться. Те двое – выпытать у твоего мужа нужную информацию. А он – по-тихому избавиться от них, оставив их в дураках. Трудно теперь сказать, что именно было у него на уме, но такие люди, как Сагитов, обычно не позволяют другим давить на себя и обирать до нитки.

– Андрюш, а как ты думаешь, где он все-таки находится, этот тайник? – спросила Лена, заставив Вику поморщиться от такого обращения.

– Викуль, а как давно эти «друзья» появились в поле вашего зрения? Где-то с полгода назад? – спросил Смирнов.

– Ну... да, где-то так, – кивнула она. – А ты как догадался?

– Озеро. Вот тебе и ответ, почему они так долго и мирно общались: тайник все-таки действительно где-то там. Но ни поздней осенью, ни зимой до него не добраться, потому что вода слишком холодная, а потом и вовсе все сковало льдом. Вот они и выжидали, когда лед растает. А заодно и планы вынашивали, у каждого был свой. Те, предположительно двое, желали получить все и ничего не делить с твоим мужем. Он... на что рассчитывал он, можно только догадываться. Может, хотел притопить их по-тихому в процессе извлечения спрятанного в тайнике?

– Клим не убийца! – вспыхнула Вика.

– Одно точно: он не дурак. Поэтому преступная парочка так и осталась с носом. И занимается теперь кладоискательством на любительском уровне.

– Пусть они ничего не найдут! – с мрачной мстительностью пожелала Вика.

– Боюсь, что они тогда и тебя не оставят в покое, Викуль. Я, конечно, сообщу следователю имя предполагаемого водолаза. Но самим тоже надо что-то предпринять.

- Что именно? Спиритический сеанс провести? И спросить у Клима про тайник?
- Можно попытаться вычислить, где он находится. Скажи, Викуль: вы рыбачили на моторке? А останавливались всегда в одном и том же месте или в разных?
- Бывало в разных. – Вика задумалась. – Но в одном чаще всего. Это недалеко от первого острова.
- А что, там клев лучше, чем в других местах?
- Про клев я ничего не скажу, а вот место там очень красивое. Утес, сосны... Хотелось в лодке качаться да любоваться часами.
- Викуль, на нашем озере целых три острова, один красивее другого. Но вы останавливались все время возле одного и того же?
- Да.
- А еще скажи: все время в одном и том же месте? Или с разных сторон острова?
- В одном. Смирнов, ты думаешь, именно там у Клима тайник? Но не слишком ли труднодоступное место? И какой смысл кататься над ним на лодке?
- Не знаю. Ну, например, чтобы удостовериться, что он все еще там. Наверняка ведь твой муж сделал какой-то опознавательный знак и проверял, на месте ли он. Или, учитывая его образование, поставил какой-нибудь радиомаячок. Вот только где был приемник, на какой волне он работал?
- Понятия не имею. Я не замечала у Клима никакой аппаратуры. Ну, кроме телефона.
- Телефон тоже может реагировать на специально создаваемые помехи. Викуль, знаешь что? Давай ты мне покажешь это ваше место? Я раздобуду лодку, и мы с тобой съездим туда в ближайшие дни, пока наши дайверы-охотники спугнуты приезжавшей на озеро следственной группой.
- Если ты считаешь, что это нам что-то даст, то место я могу показать, не проблема, – согласилась Вика.
- Вот и чудесно. Значит, дело за лодкой. Постараюсь арендовать ее с полным пакетом страховки. Так будет быстрее.
- А может, у Рублевых на денек попросить? – неуверенно предложила Вика.
- Нет, рублевский «титаник» мне ни к чему, – отмахнулся Андрей. – Мы с тобой съездим всего только раз, а мне потом лодка еще неоднократно потребуется. Так что я предпочитаю сразу подыскать что-нибудь более легкое и маневренное. Ну, и не очень дорогое: неизвестно ведь, что от этой лодки в конце концов останется.
- То есть как это? – Лена испуганно распахнула глаза.
- Ну, поцарапаю, мотор утоплю, – успокаивающе перечислил Смирнов.
- А ты откуда Рублевых знаешь? – спохватилась Вика, как будто это знакомство было только их с Климом привилегией.
- Еще бы мне их не знать, они мои соседи по даче, – огорошил ее Смирнов. – Хотя, конечно, их дворец похож на дачу не больше, чем их крейсер – на моторную лодку, но ведь главное – статус присвоить. Мы вот, например, когда покупку их лодки обмывали на даче, за неимением под рукой самой лодки шампанское били во дворе о кастрюлю. Все как положено: привязали бутылку за веревку к макушке яблони. Кастрюлю на палку нацепили. Официально присвоили ей временный статус лодки и даже маркером слово «лодка» на боку накарябали. И после торжественной речи, произнесенной хозяевами, размахнулись...
- И как? – поинтересовалась Лена.
- Два окна, разбитые слетевшей с палки кастрюлей, синяк у Танюхи на лбу и нервный срыв у кошки, которая теперь отказывается ездить на дачу, а остается у Танюхиной сестры, – перечислил Смирнов. – Вроде ничего не забыл. Могло бы быть и хуже, да только окна с этой стороны дома закончились.
- А бутылку-то в итоге разбили?

– А то как же! Примотали к кастрюле скотчем, и Матвей лупил по ней молотком. Кажется, четвертая попытка удалась. В общем, когда их пацан, наблюдавший за всеми с балкона, предложил нам вызвать психушку, думаю, надо было соглашаться. Но это мы потом уже сообразили, когда увидели, что он там на камеру снимал. И шантажировал этой записью родителей, в ю-тубе грозился выложить, если они не купят ему новый ноутбук. Я первый согласился внести свою долю сразу же после просмотра. У Рублевых нервы оказались покрепче, они еще минут пять поломались.

– Весело у вас там живется, – улыбнулась Лена.

– Ой, не то слово, – отмахнулся Смирнов. – Если бы их Пашка все время на балконе нес караул, то могли бы родиться кадры и похлеще этих. Но что-то мы от темы совсем отвлеклись. В общем, лодку я найду. И мы с тобой, Викуль, прокатимся к острову. Ты мне покажешь ваше место, ну, а дальше я буду действовать сам.

– Чтобы не делиться потом? – вскинулась-пошутила Вика. Шутка оказалась неудачной, Смирнов явно обиделся.

– Чтоб тобой не рисковать понапрасну, – сухо ответил он. – Потому что полиция на озере жить не останется, и вскоре туда вернутся дружки твоего мужа, чтобы продолжить поиски. Судя по их активности, овчинка выделки стоит, так что конкуренты их вряд ли обрадуют. Поэтому я и не хочу, чтобы ты оказалась там в тот момент, когда они будут возмущаться по этому поводу. А что касается тайника, то, если найду его, отдам тебе, даже не вскрывая, и делай с ним что хочешь.

– Не обижайся, Андрюш. – Лена укоризненно посмотрела на племянницу. – Викуля у нас, словно малое дитя, любит порой уколоть оппонента. Даже без всякой на то причины.

– Ладно, проехали, – отмахнулся Смирнов. – Сейчас я вас оставляю, чтобы заняться поисками подходящей лодки. Завтра, в крайнем случае – послезавтра она должна у меня быть. Пока наши водолазы-любители не опомнились.

Лодку Смирнов действительно нашел. Позвонил Вике следующим вечером. В итоге договорились встретиться завтра после обеда, потому что с утра у Смирнова были какие-то дела на работе. Лена рвалась поехать с ними, но Андрей убедил ее остаться дома:

– Если что, Лен, ты знаешь, где мы, и в случае чего отсюда позвонишь куда следует. Я, конечно, не думаю, что могут возникнуть какие-то непредвиденные обстоятельства, но перестраховаться все же не помешает. И нашим страховщиком будешь ты.

– Ну, хорошо, – сдалась Лена. – Буду звонить вам каждый час!

На том и порешили. И Вика со Смирновым поехала к лодочной станции. Она волновалась. Не из-за того, что опасалась бандитов-водолазов, со Смирновым ей было не страшно. А из-за того, что снова предстояло проехаться на лодке, пусть теперь и на чужой, по их с Климом местам. Как прежде. Хотя как прежде на самом деле никогда уже не будет. Остались только иллюзии, за которые можно ненадолго ухватиться, но и это многого стоило.

К Викиному удивлению, на станцию Смирнов не стал заезжать, а свернул перед ней в лесок и оставил машину в кустах. Вышел, убедился, что поросль с молодой листвой надежно укрывает машину от посторонних глаз, особенно со стороны дороги.

– Зачем это? – удивилась Вика.

– Не хочу оставлять машину на виду. Может, эти орлы болтаются поблизости, и у них еще осталась в запасе взрывчатка. На сторожа-то слабая надежда: если эти хлопцы умудрились у него под носом бокс заминировать, то и до машины, не ровен час, смогут добраться. Может, сотворят с ней что или просто будут нас возле нее поджидать. Тоже перспектива не из приятных.

– В бокс, мне кажется, они пробрались через ворота, что ведут с озера, – сказала Вика, вслед за Смирновым выходя из леса на ведущую к станции дорогу. – Потому сторож их и не заметил.

– Я тоже думаю, что они проникли с озера. Потому что твой муж был осторожным парнем и должен был хоть что-то заметить, если они взломали внешнюю дверь. Такое ведь невозможно проделать совсем незаметно, если нет ключей. А у твоего мужа имелись все основания зорко следить за тем, что происходит вокруг.

– Я вот думаю: а не могли они сделать слепок с ключей, когда бывали у нас в гостях?

– Вряд ли Сагитов выпускал их из поля зрения, зная, что они собой представляют, Викуль. Да и ключи, наверное, не оставлял на виду?

– Нет, конечно. Но, знаешь, ключи у нас были не простые, какие-то очень замысловатые, а ворота, выходящие на озеро, управлялись еще и радиосигналом. Не так-то просто было их открыть постороннему человеку. Я даже не представляю, как им это вообще удалось.

– Ну, может, они как раз в этом деле специалисты, учитывая их криминальные наклонности?..

– Может быть, конечно. По крайней мере, квартирный замок они-таки взломали, хотя он тоже был у нас мудреный.

– Врезали дверь болгаркой, если быть точным. Соседка твоя выглянула, услышав шум, а они ей сунули какие-то корочки, сказав, что из полиции. Она и ушла. Лишь потом спохватилась, что при полиции должны быть хотя бы понятые, а то и представители жилконторы. Она-то и вызвала настоящих полицейских. Да опоздала, взломщики уже сделали все, что хотели, и преспокойно удалились. Она даже их толком описать не смогла, потому что на их лицах было что-то вроде защитных очков, якобы от летящих искр. Лена тебе что, об этом не рассказывала?

– Нет. Да я и не спрашивала подробности. Зато тебе, как я погляжу, она отчитывается едва ли не за каждый шаг.

– Не отчитывается. Просто делится по-приятельски, зная, что меня это интересует.

– Смирнов... Не для протокола, как говорится. Скажи мне, вот чего ты так за меня уцепилась? Тебе что, других баб вокруг мало? Таких, которые и встретили бы тебя приветливее, и проблем бы не создавали, какие я создаю.

– Баб не мало, – усмехнулся он. – Женщин не хватает.

– А в чем разница-то? Сиськи, что ли, не с той стороны растут?

– Ну, Викуль... – Смирнов на ходу обалдело взглянул на нее. – Умеешь ты порой загнуть...

– Стараюсь по мере своих скромных сил, – кивнула Вика, вдруг с удивлением заметив, что он, оказывается, выше нее ростом на целую голову. Клим был невысок, Вике было достаточно надеть каблуки, чтобы сравняться с ним. Зато как удобно было его обнимать... Милого, родного... И прижиматься щекой к его щеке...

– Разница в том, что некоторые дамы то, что мы собирались с вами сделать, даже за трагедию не сочли бы, – мрачно ответил Смирнов. – Как говорится, встряхнулись и дальше пошли. Не надо, только не распускай руки, Викуль! Я говорю сейчас то, что есть. Мы с друзьями знали немало таких. Или просто нам на них патологически везло? Не знаю. Но никто из нас даже подумать не мог, что твоя мать скорее предпочтет умереть, чем... Знаешь, она так и стоит у меня перед глазами. Немного таких на свете! И тем страшнее сознавать, что ты повинен в гибели одной из них. Так вот, что касается проблем, Викуль... Какие бы проблемы ты ни создавала, я буду их решать, пока это в моих силах. И потому, что ты – это ты, и потому, что ты – дочь такой женщины. Я просто преклоняюсь перед ней.

– А я ее любила, – насупившись, выдавила из себя Вика.

Дальше шли молча. Вика – пытаясь справиться с некстати нахлынувшими воспоминаниями, Смирнов – внимательно поглядывая вокруг. До станции добрались без приключений,

никого не встретив по дороге. Сторожу Андрей предъявил временный пропуск. Тот с некоторым удивлением оглядел их с Викой, но ничего не сказал.

– Представляю, что он сейчас про меня подумал, – пробурчала Вика, шагая рядом со Смирновым к нужному боксу. – Не успела Клима похоронить, как уже во второй раз нарисовываюсь с другим мужиком...

– Не бери в голову, Викуль. Тебе что важнее, чужие мысли или своя правда?

Вика не успела обдумать ответ, потому что они подошли к боксу и она мысленно махнула на все рукой. Куда больший интерес для нее сейчас представляла лодка. Не такая ухоженная, какая была у них с Климом, и не столь современная, но – Вика теперь кое-что смыслила в этом – маневренная, и, наверное, на ходу хороша, если мотор не подкачает. Смирнов спустил лодку в док, помог Вике в нее взобраться. Она с брезгливостью покосилась на потемневшую скамейку, на которой топорщилась засохшая рыба чешуя.

– Кто к своей технике трепетно относится, тот никогда ее в чужие руки не отдаст, Викуль. – Запрыгнувший в лодку Андрей, перехватив ее взгляд, смахнул чешую со скамьи за компанию с парочкой завяленных червяков. Вика отряхнула ее еще раз, после чего села на самый краешек. Смирнов завел мотор, и лодка, чуть задрал хищный узкий нос, понесла их к синему вдалеке острову, небольшому, но высокому, фактически к поросшей лесом скале, одиноко выступающей из воды. По мере того как они приближались, остров обретал цвета – между серо-синими тенями проступали светло-серые полосы слоистого каменного утеса, с отважно угнездившимися на крутизне, по-весеннему нежно-зелеными кустиками. И с соснами на вершине! Даже в пасмурный день чем выше, тем ярче светились их янтарные стволы, расходились ветки с густыми, пышными кистями длинных игл, поющих под ветром свою особую, с тихим присвистом песню. Глядя на приближающийся остров, Вика забыла и про чешую, и про червяков, постаралась забыть и про то, что у руля сейчас Смирнов, а не Клим. Это был их с мужем остров, их красота. И может быть, на самом деле нет здесь никакого тайника, а Клим просто любил это место? У Вики на ресницах дрожали слезы, когда она сказала Андрею:

– Возьми левее... Теперь чуть вперед. Вот это место. Видишь сосну напротив? Здесь.

Сосна над каменным обрывом начинала расти чуть ли не горизонтально, но потом изогнулась, вытягиваясь к небу. И напоминала Вике гордую лебединую шею. По ней они с Климом называли этот остров – островом Лебеда. И, приехав сюда, целовались, взявшись за руки... Теперь Вика лишь тяжело вздохнула, отгоняя от себя воспоминания, от которых разрывалось сердце. Она сделает все для того, чтобы погубившие Клима подонки остались ни с чем! Что бы здесь ни оказалось, достаться им оно не должно!

– Викуль, а на каком расстоянии до острова вы останавливались, ты не помнишь? – прерывая затянувшуюся паузу, осторожно спросил Смирнов.

– Вот с этим сложнее, – вздохнула Вика. – Его я могу указать тебе только на глаз. Но не дальше, чем мы сейчас находимся. А если ближе, то ненамного. Где-то вот тут... – Она махнула рукой перед собой на прозрачную воду, ставшую темной от скрывающейся под ней глубины.

– Да... – Оставив лодку дрейфовать возле острова, Смирнов отметил что-то на карте, которую взял с собой. Потом вытащил мобильник, сделал звонок Лене, рассказал, как у них идут дела. Никаких помех сигналу не было. Потом, не довольствуясь данными карты, попытался замерить глубину дна эхолотом. В разных местах оказалось что-то от шести до десяти метров, мельче нигде не было – берега острова круто обрывались вниз.

– Соваться сюда без акваланга и гидрокостюма даже и думать нечего, – сказал он, убедившись, что отмелей нигде поблизости не наблюдается. – И не только потому, что воздуха не хватит донырнуть до дна, но еще и потому, что вода на глубине ледяная. В этом озере очень много ключей, и кто отважится спуститься вниз, рискует не выплыть.

– Ну, так не рискуй тогда, – разочарованно пожала плечами Вика. – Будем надеяться, что сладкая парочка, которая охотится за тайником Клима, тоже не сможет до него добраться.

– Я-то как раз смог бы. Но вот что касается твоего мужа... Викуль, он что, был опытным аквалангистом?

– Не знаю. – Она опустила руку за борт. Вода действительно оказалась ледяной даже у поверхности. – Я ни разу не видела, чтобы он нырял.

– А когда ты читала его досье, не помнишь, там нигде не указано, что он этим когда-нибудь занимался? Может, в армии?

– Насчет армии... если верить досье, то Клим вообще не служил, и про его увлечения там тоже ничего не было сказано. – Налетевший ветерок взметнул волны повыше, одна из них намочила Вике манжету на опущенной за борт руке. Вика отдернула ладонь, отжала рукав. Но почти сразу ее досада сменилась восхищением, когда солнце, выглянувшее из-за разорванных ветром туч, заиграло яркими бликами на мелких частых волнах. И сосны на утесе засветились особенно ярко. Клим уже нет на свете, но жизнь продолжается, и весна все увереннее вступает в свои права. Ей нет дела до Викиных чувств. Или, наоборот, своей красотой природа пытается поддержать Вика в ее горе?

– Так, а нами, похоже, заинтересовались, – протянул Смирнов, глядя вдаль, в сторону лодочной станции.

– С чего ты взял? – удивилась Вика.

– Блики на берегу. Такие бывают, когда стекло бинокля ловит солнечный луч. А кому еще надо рассматривать нас в бинокль, как не нашим «приятелям»? Да, активные ребята. Я думал, что появление полиции отпугнет их отсюда надолго. Или слишком крупный куш поставлен на кон?

– Не знаю. Скажи лучше, что дальше делать будем?

– Может, удочки наконец закинем? Создадим видимость, что мы здесь с совершенно мирными целями и никакого особого интереса у нас к этому месту нет?

– Думаешь, они рассмотрели, что это мы?

– Трудно сказать, Викуль. Смотря какой у них бинокль. Хотя и для самого простенького, я думаю, расстояние не велико.

Андрей откинул крышку ящика на корме. Вытащил оттуда и положил на дно лодки аккуратно свернутую сеть.

– Думал, мало ли, что-нибудь затралить со дна удастся, – пояснил он Вике. – Но на такой глубине да при неровном дне это глухой номер. А вот про удочки даже не думал, что придется их вытаскивать, кинул просто так, на всякий случай. – Он потянулся к первой, что лежала ближе. Удочка оказалась небольшая, пластиковая, с хорошей катушкой.

– Смирнов, а ты что, тоже рыбак? – спросила Вика, оценив снасть. Ответ ее, мягко говоря, удивил:

– Нет, Викуль. Не рыбак и не охотник. Жалко мне животину убивать. А мясо, если надо, я и в магазине куплю. Может, не такое свежее, но зато там судьба несчастной зверюшки уже свершилась, и мой выбор для нее ничего не значит: не я куплю, так другой, а не купим, так оно протухнет.

– Вот уж от кого-кого, Смирнов, а от тебя я не ожидала такое услышать, – призналась Вика. – И удочки у тебя нехилые. Слишком шикарные для камуфляжа.

– Удочки не мои, достались в нагрузку от хозяина лодки... и похоже, надо нам их смаывать по-быстрому, так и не размотав, – добавил он, взглянув в сторону станции. Вика тоже посмотрела туда и увидела три фигурки в отчалившей от берега лодке. Следом донесся звук запущенного мотора, и судно стремительно заскользило по воде, держа курс к их острову.

Не тратя времени на сеть, а оставив ее лежать там, где была, Смирнов захлопнул ящик и метнулся к мотору. Тот зарокотал без лишних капризов, взбивая в пену воду за кормой, и их лодка тоже двинулась, набирая скорость.

– Викуль, ты только держись как можно крепче! – крикнул ей Смирнов, сжимая руль. – А то лучше и вовсе ложись на дно, на сеть, так теплее будет!

Вика не легла, потому что хотела видеть все, что будет происходить. Но, уже успев ознакомиться со смирновскими методами действия, вцепилась в скамейку обеими руками что было сил. И не зря. Вначале лодка двигалась не слишком ровно, реагируя на каждую бегущую волну, но по мере того, как набирала скорость, волны переставали иметь для нее какое-то значение. Если бы у скамейки была спинка, Вику прижало бы к ней. Не желая нестись по озеру неизвестно куда, Смирнов как будто хотел развернуться к лодочной станции, используя остров для того, чтобы разминуться с преследователями. Те разгадали его маневр, но сразу сделать ничего не смогли. Несколько раз обе лодки обогнули остров, оставаясь по разные стороны от него. Он был слишком мал для того, чтобы Смирнову удалось оторваться от преследователей на достаточное расстояние. Зато и они ничего не могли предпринять – например, неожиданно развернуться им навстречу. Обе лодки словно играли друг с другом в салочки. Вода от поднятой виражом волны плеснула на Вику, заставив ее содрогнуться всем телом и подумать о том, что нырять здесь действительно, должно быть, смерти подобно. Следом вода брызнула с противоположной стороны, когда Смирнов все-таки решился и заложил крутой вираж, чтобы вырваться из замкнутого круга. Лодка едва не черпнула воду бортом, но выровнялась и понеслась по прямой. Преследователи повторили все то же самое, не так лихо, но все же достаточно ловко для того, чтобы сохранить дистанцию. До Вики донеслись голоса преследующих их мужиков. Будь ситуация менее напряженной, она, пожалуй, смогла бы даже разглядеть их лица. Но сейчас ей, судорожно вцепившейся в скамейку, испуганной и замерзшей, было совсем не до этого. Съежившись и втянув голову в плечи, Вика даже и не помышляла о том, чтобы развернуться лицом назад. Лучше бы сползти на ту сеть...

– Вика, вниз!!! – словно услышав ее мысли, громко скомандовал Смирнов.

Почему? Что он задумал? Она замешкалась, не решаясь оторвать руки от скамьи. Смирнов, только что несшийся по прямой, опять заложил вираж, и вода снова хлестнула через борт, заставив Вику сильно усомниться в том, что внизу ей будет лучше. Но следом она увидела, как край борта в одном месте внезапно и резко деформировался, и услышала откуда-то сзади резкий хлопок. Потом, после очередного смирновского виража, второй. И только тогда поняла, что по их лодке стреляют. Это открытие сразу заставило Вику решить, что холодная вода – не худшее из зол. И она соскользнула на дно лодки, продолжая цепляться за скамейку рукой. Смирнов опять заложил вираж, и брызги хлестнули Вику по спине. А следом просвистела очередная пуля. Вика вжалась в лежащую под ней сеть. Да что же это творится?! Среда бела дня?! Очередной вираж едва не заставил ее перекатиться по дну лодки. Вика вцепилась в скамью второй рукой, слегка подтянувшись, надеясь, что борта защитят ее от пуль. Над головой снова показался остров. Значит, путь на лодочную станцию им отрезан, и Смирнов уходит в другую сторону. Но куда?! Там только вода и вода! Так можно убегать до тех пор, пока хватит топлива. А если у преследователей его окажется больше?!

– Смирнов, что ты делаешь?! – отчаянно крикнула Вика.

– Они стараются попасть в мотор, – ответил он, снова резко поворачивая. – Если что, прыгай в воду, Викуль! Других шансов не будет, все рванет.

– О господи! – выдохнула Вика. Она и так уже вымокла, но перспектива полностью погрузиться в ледяную воду ее не вдохновляла. Да и сколько она продержится в такой воде? Судорога ко дну не потянет, так эти гады настигнут в два счета и выловят. И неизвестно, какого из двух зол стоит бояться больше. Она однажды уже испытала на себе, что это значит – полностью оказаться в чужой и враждебной воле. И теперь, пожалуй, предпочла бы утонуть...

Выстрелы прекратились: то ли у стрелявшего патроны закончились, то ли там наконец поняли, что после стрельбы той беседы, ради которой они и затеяли погоню, может уже не случиться. Но обороты ни одна из лодок не сбавила. Смирнов сделал еще один резкий крутой

поворот. Случайно Викин взгляд упал на зеркало заднего вида, которое, оказывается, было в их суденышке. Там на какой-то миг мелькнула лодка преследователей, ощутимо качнувшаяся на высоко взметнувшейся волне. Потом пропала, потом снова появилась, когда догоняемые и догоняющие опять оказались на одной прямой.

– Викуля! – неожиданно позвал Смирнов.

Она подползла поближе, чтобы лучше слышать его сквозь рев мотора.

– Когда я скажу тебе, ты сможешь сгрести нашу сеть в охапку и бросить ее за борт? Только смотри, чтобы она не попала на один из наших винтов! Иначе нам с тобой конец!

– Постараюсь. – Вика, кажется, поняла, что он задумал. – Но они же увидят! И сеть может утонуть, она с грузилами!

– Все будет нормально, Викуль! Помни: только не на наши винты!

– Хорошо! – Решив довериться ему, Вика ползком вернулась к корме, где была сложена сеть. Пошевелила ее, прикидывая вес. Тяжело, но поднять можно. Вдруг совершенно неожиданно вокруг лодки оказались камыши. Изломавшиеся, растерявшие за зиму свою густоту и упругость, но все равно упорно топорщащиеся из воды своими обломанными останками. Значит, Смирнов держал курс не к середине озера, а развернулся к левому берегу, который на одном участке был таким заросшим, что в разгар лета напоминал дебри Юго-Восточной Азии. Теперь Андрей летел по этим зарослям. Сзади не отставали.

– Вика, ты слышишь меня? – спросил он.

– Да! – Вике приходилось кричать для того, чтобы Смирнов ее услышал: поток воздуха сносил его голос в ее сторону, а ей приходилось кричать против ветра, забивающего ей рот.

– Я поверну. И сразу скинешь сеть за левый борт. Левый. Слышишь? Держи ее наготове!

– Да! – Вика сгрестила сеть в охапку и на коленях поползла с ней к левому борту. Молясь при этом, чтобы они не сели на мель. Но Смирнов, похоже, знал, что делает, и был знаком с местным ландшафтом. Он вел лодку краем заросшей камышами отмели. Сзади по ним снова выстрелили, но опять неудачно. Значит, патроны все-таки есть! Вика вздрогнула и сжалась, ожидая еще одной пули над головой. Но тут Смирнов опять резко свернул в узкую протоку чистой воды между двумя «полями» камышей.

– Давай!!! – прозвучала его команда. Но Вика уже и сама поняла, что пора, и столкнула сеть за борт. Смирнов сделал еще один поворот, уводя от зависшей через протоку между камышами сети свой винт. По дну что-то проскребло. У Вики дыхание перехватило: только бы не мель! Но, скорее всего, это просто была какая-то затопленная деревяшка, потому что больше этот звук не повторялся. На предельных оборотах, с натугой, но все же лодка пробила сквозь узкую полоску прошлогодних камышей. В воздухе повис отвратительный запах гнили, зловонные черные капли взбитого с водой ила плеснули на Вику, но ей было все равно. Снова – узкая полоска чистой воды, вторая протока, а впереди – широкий просвет. Озеро. Вика напряглась, уже не ориентируясь в звуках: рокот их мотора сливался с рокотом мотора преследователей, и Вика не могла понять, откуда он исходит. А не поджидают ли их со Смирновым на озере, на открытой воде, пока они тут изощряются, взрывая винтом гнилые камыши? Но, словно ответом на ее опасения сзади, совсем недалеко, вдруг раздался отборный трехголосый мат. За ним Вика не слышала чужой лодки. Да и не прислушивалась больше: над ними снова просвистели одна за другой три пули, выпущенные теперь, скорее всего, не прицельно, а просто в бессильной ярости. Вика присела и согнулась. Ее знобило сразу от всего – и от холода, и от пережитого ужаса. Но теперь они со Смирновым уходили, летели по озеру, а только что гнавшиеся за ними мужики остались в зловонных зарослях с намотавшейся на винт рыболовной сетью. Очень быстро их яростные крики стихли вдали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.